

# ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОВЪ АРХИМАНДРИТЪ ПАВЛЪ ПРУССКОМЪ (1892—1895 гг.).

---

## I.

Было пятое Воскресенье великаго поста, когда, прямо съ вокзала, прибылъ я въ Московскій Никольскій единовѣрческій монастырь.

Какое-то особенно торжественное настроеніе воодушевляло меня, когда входилъ я въ убогій настоятельскій корпусочекъ, крайне незатѣйливый снаружи, еще менѣе блиставшій внутри.

У святыхъ воротъ обители привратникъ, окинувъ меня испытующимъ взоромъ, на вопросъ мой, принимаетъ ли о. архимандритъ посѣтителей, многозначительно сообщилъ мнѣ, что къ о. Павлу ходятъ всякіе люди, большею частію «по дѣламъ вѣры испытатели и совопросники».

— «А ты изъ какихъ будешь?» винулъ и мнѣ словоохотливый старичекъ.

Хотя послѣдними словами привратникъ имѣлъ явное намѣреніе вызвавъ меня на откровенное признаніе, разъяснить себѣ, что за человѣкъ такой буду именно я, мнѣ не хотѣлось пока сообщать что-либо о себѣ лично, не хотѣлось даже бесѣдовать съ кѣмъ-либо, кромѣ самого, издавна меня привлекавшаго къ себѣ, старца. До этого дня ни разу не видалъ я о. Павла и даже приблизительно не могъ себѣ представить, каковъ его внѣшній видъ, какъ онъ говоритъ, какъ держитъ себя въ сношеніяхъ съ по-

сторонними лицами... То, что черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ я своими собственными глазами, поразило меня необычайно!

Направившись по указанной дорожкѣ, и войдя въ маленький настоятельскій домикъ, я былъ встрѣченъ молодежью, въ то время, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, ютившейся возлѣ любимаго ими наставника. Немедленно одинъ изъ привѣтливыхъ юношей отправился въ настоятельскую келлію доложить обо мнѣ, и черезъ полъ-минутки ко мнѣ вышелъ самъ о. Павелъ.

Вся его внѣшность, при чрезвычайной убогости и простотѣ, долженъ признаться, сразу какъ бы оттолкнула меня, но, преодолевъ первое, притомъ, извращенное чувство, я поспѣшилъ подойти подѣ благословеніе, послѣ чего о. Павелъ, еще за мѣсяцъ до моего прибытія изъяснившій свое согласіе принять меня къ себѣ, для ознакомленія моего съ приемами противораскольничьей полемики, весьма любезно освѣдомился о впечатлѣніи, какое произвела на меня своею внѣшностію Москва, а также и о томъ, какъ перенесъ я довольно длинный, совершенный мною, переездъ и, наконецъ, передалъ меня временно на попеченіе молодыхъ послушниковъ, поручивъ имъ обойтись со мною со всякою предупредительностію и любовію...

Было уже четыре часа пополудни, сейчасъ должны были заблаговѣстить къ вечернѣ, а старецъ торопился со сборами на бесѣду въ Таганкѣ, въ домѣ Косичкина. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ лишь словъ, въ видѣ взаимнаго привѣтствія сказанныхъ, я долженъ былъ на время остаться въ кругу молодыхъ людей, съ которыми и постарался познакомиться поближе и, благодаря этому обстоятельству, совершенно не замѣтилъ, какъ пролетѣло время до десяти часовъ вечера, когда приблизительно о. Павелъ и возвратился съ бесѣды.

Я слышалъ его краткій рассказъ о послѣдней, видѣлъ, какъ подкрѣплялъ онъ свои силы холоднымъ уже ужиномъ... У него нашлось нѣсколько теплыхъ словъ и по

моему адресу, и слова эти, ласково и привѣтливо сказанныя, пробудили во мнѣ уснувшее было чувство симпатіи, которое, по мѣрѣ знакомства моего съ печатными трудами архимандрита, еще не такъ давно достигало высокой степени.

Я искренно, съ дѣтскою, можно сказать, радостію и даже восторгомъ, слѣдилъ за всѣми движеніями этого замѣчательнаго миссіонера, самъ вдохновляясь неподдѣльною любовію къ тому дѣлу, маститымъ руководителемъ котораго былъ въ то время въ Москвѣ архимандритъ Павелъ.

Настала первая проведенная мною въ обители ночь... Послѣ долгаго пути по желѣзной дорогѣ, сильно разбитый и усталый, я уснулъ въ одной изъ двухъ назначенныхъ для учениковъ комнатъ, безъ всякихъ почти приспособленій для ночлега, просто на диванѣ, имѣя въ изголовьѣ кучу разныхъ писемъ, замѣтокъ дѣловыхъ и проч. Я радъ былъ, что достигъ, наконецъ, своей цѣли, что вотъ я у того человѣка, невольное влеченіе къ которому уже давно возбуждало во мнѣ намѣреніе оставить службу, распростишься со всѣми удобствами и прелестями міра сего, «яко временными», и всецѣло отдаться дѣлу вразумленія заблуждающихся немощныхъ братій... Мнѣ было тогда тридцать лѣтъ, учитель же мой, которому я хотѣлъ ввѣрить себя, уже доживалъ дни свои, которые, можно сказать, были сочтены:—черезъ три съ небольшимъ года онъ почилъ отъ трудовъ своихъ...

Дабы выяснить, какъ случилось, что я, преданный свѣтской жизни, познакомился съ трудами архимандрита, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о себѣ.

Сынъ священника, я съ раннихъ лѣтъ въ домашней обстановкѣ привыкъ къ бесѣдамъ полемическимъ, которыя отецъ мой, по долгу званія, частенько велъ съ единичными представителями раскола, приходившими къ нему за разъясненіемъ своихъ недоумѣній и просто за совѣтами. Присматриваясь къ лицамъ собесѣдниковъ, прислушиваясь къ рѣчамъ, я рано узналъ о томъ, какъ сильно смущаются

окружающіе насъ старообрядцы разными «погрѣшностями» противъ церковнаго устава, которыя допускаются нерѣдко нашими священниками, и тогда еще привыкъ смотрѣть на всѣ ихъ недоумѣнія, какъ на естественный результатъ ихъ темноты и невѣжества, предполагая, что массовое просвѣщеніе скоро и легко разгонитъ этотъ полумракъ умственный, находясь въ которомъ немощные собратья наши не видятъ истинной Церкви Христовой...

Въ этихъ-то бесѣдахъ часто употребляемое имя «Игуменъ Павелъ» обратило на себя мое вниманіе, и я сталъ замѣчать, что авторитетъ имени этого чрезвычайно великъ, что многія сочиненія о. Павла постоянно и нарахватъ читаются не только нашими прихожанами—единовѣрцами, но интересуютъ сильно и нѣкоторыхъ грамотныхъ старообрядцевъ.

Понятно, съ какимъ вниманіемъ началъ я знакомиться съ вышедшими уже въ свѣтъ полемическими работами знаменитаго игумена, а также и то значеніе, какое сталъ пріобрѣтать въ глазахъ моихъ этотъ авторъ... Еще будучи на школьной скамьѣ, въ каникулярное лѣтнее время, немедленно по пріѣздѣ изъ Варшавы, гдѣ я тогда учился, въ родительскій домъ, я усердно ревизовалъ библіотеку отца и интересовался преимущественно всѣмъ, что выходило изъ-подъ пера того же игумена.

Ему я обязанъ за воспитанное на его сочиненіяхъ нѣкоторое знакомство съ Новымъ Завѣтомъ, который дотолѣ въ цѣломъ объемѣ своемъ былъ мнѣ невѣдомъ; онъ же чрезъ тѣ же труды свои научилъ меня серьезно относиться къ вопросамъ вѣры, углубляться въ содержаніе свято-отеческихъ твореній и, что, по нашему времени, чрезвычайно важно, находить интересъ и съ любовію отдаваться материнскому водительство святой Церкви.

Вотъ на какой почвѣ происходило мое предварительное знакомство съ покойнымъ архимандритомъ Павломъ, и вышеизложеннымъ объясняется мое рѣшеніе оставить работу, имѣющую въ виду устройство земной человѣческой

жизни, и перейти къ труду противоположнаго свойства и направленія, главное вниманіе посвящающему созиданію храма духовнаго, подъ непосредственнымъ руководствомъ матери—Святой Церкви.

Я нѣсколько распространился, объясняя причины моего прибытія въ Москву и именно къ о. Павлу, чтобы сдѣлать понятнымъ то безпрестанное тяготѣніе къ духовной жизни, которое, несмотря на всевозможные эксцессы, остается все-таки руководящимъ въ моей жизни, развитію котораго въ большой степени я обязанъ, можно сказать, всецѣло архимандриту Павлу.

Элементъ автобіографическій, постоянно примѣшивающійся въ дальнѣйшемъ изложеніи, облегчаетъ мнѣ постепенное раскрытіе того обаянія, какое производилъ архимандритъ на всѣхъ, кого жизнь такъ или иначе приводила въ соприкосновеніе съ нимъ, и послужить руководящей нитью, пользуясь которой, я буду имѣть возможность подробно изложить памятные мнѣ о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ разсужденія, думаю, имѣющаго право на особенное вниманіе церковно-общественнаго дѣятеля, какихъ не особенно-то много въ наше свѣтильниками убогое время.

## II.

Такъ просто началъ я жизнь свою на новомъ мѣстѣ... Проснувшись за десять минутъ до звона къ утрени, я успѣлъ привести себя въ порядокъ и быть готовымъ къ выходу въ церковь, когда еще никто изъ обитателей настоятельскаго корпуса не вставалъ... Но вотъ послышались тяжелые шаги привратника-будильщика, и вскорѣ раздался громкій звонокъ, приглашавшій на молитву... Все засуетилось,—забѣгали послушники, загремѣли ручной мойники...

Я былъ уже въ храмѣ, когда къ началу полунощницы вошелъ и самъ архимандритъ. Семипоклонный «началь»,

подрушникъ, истовое крестное знаменіе, — все это съ юныхъ лѣтъ было мнѣ извѣстно, и въ исполненіи всѣхъ этихъ догматамъ почитаемыхъ обрядовъ и обычаевъ я оказался вполне корректнымъ, съ мѣстной точки зрѣнія.

Крикливое униссонное пѣніе нисколько не поразило мой слухъ: еще ученикомъ гимназіи, пріѣзжая изъ города на каникулы въ деревню, я самъ, любя принимать дѣятельное участіе въ богослуженіи, всегда становился на клиросъ и вслѣдъ за дьяками тянулъ по «крюкамъ», вѣрнѣе, по слуху, знакомые напѣвы немногочисленныхъ по разнообразію пѣснопѣній.

Въ числѣ братіи оказался бывшій прихожанинъ моего отца, монахъ—старецъ глубокій, который, по окончаніи утрени, увидавъ меня, повелъ къ себѣ въ келлію, расспрашивая о житѣй-бытѣй своихъ односельчанъ и родственниковъ. Когда, удовлетворивъ любознательность старичка, я возвращался въ настоятельскій корпусъ, то, почти при выходѣ изъ келліи, встрѣтился съ о. Павломъ, который съ жезломъ стоялъ въ коридорѣ, разговаривая съ однимъ изъ братіи. Строго взглянувъ на меня и спросивъ, по какой причинѣ я нахожусь здѣсь, настоятель поспѣшилъ отправить меня на свое мѣсто, что я и исполнилъ немедленно, внутри сознавая, что мною сдѣланъ промахъ, что въ обители всѣ дѣйствія должно совершать лишь съ благословенія игумена.

Вслѣдствіе того, что обѣдня въ монастырѣ Никольскомъ совершается только одна, между послѣдней и утреней, а въ великомъ посту между утреней и часами, дѣлается часовая перерывъ, во время котораго о. Павелъ, возвратившись изъ братскаго корпуса, сейчасъ же и пригласилъ меня къ себѣ въ свою келлію...

Сотворивъ молитву и открывъ дверь, я переступилъ съ нѣкоторымъ трепетомъ въ убогую, совсѣмъ неубранную и, въ теченіе 25 лѣтъ, никѣмъ ни разу неубираемую келлію-спальню... Одна стѣна ея, прямо противъ двери входной, была уставлена иконами стараго письма, несомнѣнно

древними; вдоль другой стояла кровать, упиравшаяся въ лежанку, начинавшуюся у входной двери, по правую сторону; третья, налѣво отъ входа, тоже внутренняя, увѣшанная одеждою, глухая, вмѣстѣ съ перегородкой противъ нея, закрывавшей собою иконы, была наполнена множествомъ исписанной бумаги,—все это были черновыя рукописи самого обитателя сей убогой витальницы. Освѣщалась келлія двумя окнами четвертой стѣнки, обращенной къ высокой кирпичной стѣнѣ, которою обнесенъ весь монастырь.

Заявъ, по приглашенію о. Павла, прилегшаго отдохнуть, стулъ у лежанки, я весь обратился въ слухъ...

— «Вотъ, дружечекъ», выговаривая послѣднее слово по славянски, началъ старецъ-дѣдушка: «пріѣхалъ ты ко мнѣ, неученому, какъ писалъ, учиться... Чему же я тебя научу? Я самъ наученъ только грамотѣ, — видишь, что мужикъ я совсѣмъ простой!»....

— Вы ужъ давно меня учите, отецъ архимандритъ! Благодаря вашимъ книгамъ, я многое постигъ, о чемъ мнѣ и не снилось никогда... А школьное ученіе мое чисто свѣтское,—духовныя науки у насъ ограничивались самыми ничтожными размѣрами.

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу: будетъ ли какой толкъ, или не будетъ, я не отказалъ въ твоей просьбѣ, согласился принять тебя къ себѣ. Прежде чѣмъ знакомиться съ ислемикой, нужно хорошенько усвоить себѣ положительное ученіе церкви: выразумѣть Новый Завѣтъ подъ руководствомъ, самое лучшее, великихъ толковниковъ, а потомъ и другихъ учителей, новѣйшихъ... О чемъ бы ты ни началъ бесѣдовать, хотя бы съ невѣждой-старообрядцемъ, не говорю уже о хорошо начитанныхъ, всякій разъ придется тебѣ опираться на авторитетъ Св. писанія и приводить въ объясненіе толковниковъ. Потомъ, весьма нужно оформить почерпнутыя знанія, подведя все множество матеріала подъ строгую систему,—нужно будетъ потрудиться надъ богословіемъ... Читалъ ли когда нибудь таковое Іоанна Дамаскина?

— Даже и не слыхалъ, что есть такой трудъ этого святаго отца... И вообще, отецъ архимандритъ, хотя вы и называете меня ученымъ, т.-е., правильнѣе, учившимся, ибо, въ дѣйствительности, я только и представляю изъ себя человѣка учившагося, притомъ нерадиво, плохо и скудно, все-таки я, съ первыхъ же своихъ словъ, начну васъ убѣдительноше просить смотрѣть на меня, какъ на круглаго невѣжду, который и понимать-то многое безъ руководства не можетъ!...

— Хорошо, хорошо!... Твое при тебѣ останется, увидишь, какая отъ него еще польза тебѣ будетъ. Не скорби, что отецъ не отдалъ въ духовную школу, ты потерялъ немного. Я знаю воспитанниковъ послѣдней, потому и говорю тебѣ, что жалѣть и скорбѣть не надо. Современныя, братъ, семинаріи плохо и обучаютъ, и нерадиво воспитываютъ,—много выходитъ оттуда порченныхъ людей на всю жизнь: теряютъ вѣру, заражаются мыслями вредными и потомъ и сами невѣріемъ мучатся и другихъ сбиваютъ съ толку. Поэтому, благодари Бога, что кое-чему ты все-таки учился и что, не смотря на всю свѣтскость твоего ученія, цѣльность вѣры соблюдена въ тебѣ... О вѣрѣ твоей я заключаю по твоимъ поступкамъ, ибо только вѣра можетъ подвигнуть человѣка на самоотверженіе и ту убогость, на которую ты обрекъ себя, послѣ долголѣтней, какъ мнѣ извѣстно, совсѣмъ безбѣдной жизни. Когда, дастъ Богъ, будешь читать толковниковъ святыхъ, будешь радоваться несказанно, находя у нихъ утверженіе въ вѣрѣ непоколебимой и ободреніе къ перенесенію скорбей и тѣлесныхъ. и, самое главное, неминуемо предстоящихъ, многочисленныхъ скорбей душевныхъ.

Вотъ и будемъ знакомиться другъ съ другомъ... Живи здѣсь со мною. Правда, и тѣсно, и безпокойно здѣсь, но за то удобно для ознакомленія съ пріемами, которые лучше всего примѣнять на бесѣдахъ... Ко мнѣ частенько таки приходятъ побесѣдовать старообрядцы разныхъ толковъ, и наставники, и простецы, и хитроумно лукавые, и искрен-

ніе, чистосердечно ищущіе спасенія... Каждому вопрошающему меня я даю посильный отвѣтъ, причемъ со многими приходится выдерживать продолжительныя пренія. Иной разъ думается послѣ бесѣды, что совсѣмъ плохо какъ-то и говорилось, и доказательства какъ будто приводились менѣе сильныя и вѣскія, и вообще заскорбишь душой о своемъ невѣжествѣ, о своей темнотѣ; а, смотришь, спустя нѣкоторое время, или письмо получается, или приходитъ лично бѣвшій собесѣдникъ и увѣряетъ, что вотъ на той-то самой бесѣдѣ, о которой ты самъ такъ скорбѣлъ, какъ о совсѣмъ неудачной, почувствовалъ онъ, доселѣ убѣжденный въ правотѣ своего толка, тоску и безпокойство, и теперь по цѣлымъ ночамъ не спитъ, боится какъ бы не умереть въ такомъ духовномъ состояніи, ибо открылись его очи душевныя, и видитъ онъ, что блуждаетъ со своими единовѣрными по непроходимымъ дебрямъ... А ужъ при такомъ сознаніи неспасительности своего состоянія ве далеко до присоединенія, хотя иной и долго еще, по разнымъ чисто мірскимъ соображеніямъ, не входитъ въ спасительную ограду.

Итакъ, будемъ узнавать одинъ другого... А чтобы тебѣ легче было жить у меня и, какъ говорится, недаромъ пользоваться тѣмъ, что даетъ тебѣ обитель и матеріально, и духовно, я попрошу тебя помочь мнѣ въ занятіяхъ съ молодежью. Я ихъ przygotowляю въ псаломщики, и думается мнѣ, что весьма полезно было бы для нихъ имѣть учительское званіе. Такъ вотъ, не потрудишься ли позаняться съ ними русскимъ языкомъ да ариѳметикой... Время для занятій назначь самъ,—когда тебѣ будетъ удобнѣе...

Я, конечно, выразилъ полное согласіе съ оговоркой, что за успѣхъ напередъ ручаться не буду...

### III.

На слѣдующій же день началъ я занятія съ 12 юношами, изъ которыхъ старшему было уже девятнадцать лѣтъ.

Всѣ они пріѣхали къ о. Павлу съ намѣреніемъ обучаться въ монастырѣ крюковому пѣнію, да хорошенько на практикѣ усвоить уставъ церковный, чтобы быть способными исполнять на родинѣ должности псаломщиковъ. Отпущенныхъ изъ нихъ были единовѣрческими священниками, учились же они дома, кто по букварю да часослову, а кто и въ мѣстныхъ школахъ. Послѣдніе казались болѣе развитыми и способными. Почти всѣ они были уже хорошими чтецами, нѣкоторые могли и пѣть самостоятельно. Это были крестьянскія дѣти, привлекавшія къ себѣ своею неиспорченностію, патріархальною простотою и искренностію...

Часто о. Павелъ, передъ занятіями, во время утренняго чаю, расположившись въ общей комнаткѣ, служившей намъ вмѣсто классной, заводилъ бесѣду, задавая разные вопросы, которыми вызывалъ всѣхъ юношей на размышленія или о читанномъ въ церкви, требуя объясненія стихиръ, irmosовъ или тропарей, или же по поводу старообрядческихъ неправыхъ мудрованій...

И вотъ, бывало, лишь только поставленъ вопросъ и всѣми выяснено, по какой онъ данъ причинѣ и къ чему именно относится, какъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и сыплются отвѣты... Дѣти обращались съ архимандритомъ просто, какъ въ своемъ домашнемъ кругу, безъ всякихъ стѣсненій говорили, что кому на умъ всходило.

Тутъ я сразу замѣтилъ, что въ пониманіи церковной службы и въ знакомствѣ съ языкомъ богослужебнымъ они ушли далеко отъ воспитанниковъ средней свѣтской школы.

Почти всегда вопросъ разрѣшался на мѣстѣ общими силами, хотя, конечно, были случаи, что никому не удавалось напасть на правильную мысль. Отецъ Павелъ не спѣшилъ въ такихъ случаяхъ раскрывать смыслъ и, пріучая дѣтей къ самостоятельности мышленія, давалъ время, для наведенія справокъ, пріисканія толкованій... И только, въ случаѣ всеобщаго отказа дать отвѣтъ, т.-е. послѣ при-

знанія вопрошаемыми своей несостоятельности, уступая ихъ просьбѣ, давалъ пужное объясненіе.

Что касается свѣтскихъ предметовъ ученія, то юноши оказались мало подготовленными къ указанной о. Павломъ цѣли, и мнѣ предстоялъ, въ виду возраста въкоторыхъ изъ нихъ, нелегкій трудъ, такъ что въ теченіе года оказался способнымъ выдержать испытаніе лишь одинъ изъ учащихся, который и получилъ званіе учителя начальной министерской школы. Прочіе же, въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ способностей и прилежанія каждаго, лишь подвинулись впередъ, причемъ начавшаяся вскорѣ продолжительная болѣзнь настоятеля и потребовавшійся тщательный уходъ за больнымъ, положили конецъ нашимъ занятіямъ, совершенно устранивъ послѣднія изъ числа обязательныхъ послушаній.

Кромѣ того, трудно было и требовать отъ дѣтей бѣльшаго, такъ какъ выполненіе церковныхъ службъ, лежавшее, можно сказать, всецѣло на ихъ обязанности, что, при строгомъ и требовательномъ отношеніи начальника къ осмысленному исполненію церковнаго чтенія, вызывало необходимость серьезной предварительной подготовки, а на это требовалось извѣстное и, притомъ, немалое время. Затѣмъ, сказывалась усталость и даже физическое изнеможеніе, такъ что уже вошло у обитателей корпуса въ поговорку, что жить у отца Павла и не заболѣть значитъ оказаться не на своемъ мѣстѣ. И, дѣйствительно, почти всѣ, кто черезъ годъ, кто раньше или позже, побывали въ больницѣ, гдѣ здоровье, при лучшемъ питаніи и болѣе гигиеничной обстановкѣ, скоро восстанавливалось. Не избѣжалъ и я общей участи.

Отецъ Павелъ съ родительскою нѣжностію обходился съ «ребятами», какъ онъ самъ обыкновенно называлъ монастырскихъ питомцевъ. Раскрывая предъ ними ученіе святой соборной и апостольской Церкви во всей его широтѣ, онъ не пропускалъ попутно ни одного случая, чтобы не показать печальное положеніе общества старооб-

рядствующихъ, отдѣлившись отъ единенія съ церковію, такъ что почти всѣ мальчики, утвердившись въ православіи, вполне осмысленно излагали ученіе о главнѣйшихъ догматахъ христіанскихъ, будучи особенно чувствительны къ различію неправыхъ мыслей, распространяемыхъ представителями многочисленныхъ сектъ, на которыя распалось первоначально единое ученіе заблуждающихся.

Иной разъ, что случалось частенько, архимандритъ начнетъ, бывало, приводя мѣста изъ писанія, вытолковывать не вытекающія изъ послѣднихъ положенія, но такъ смягчитъ рѣзкіе переходы, что юные слушатели, внимательно слѣдившіе за развитіемъ логическаго процесса, не будучи въ состояніи уловить умышленную неточность выраженія послышки или подмѣтитъ, что въ выводѣ оказывалось больше, чѣмъ давало на то содержаніе всего раньше сказаннаго, приходили въ сильное безпокойство, будучи принуждаемы выразить словами совсѣмъ не соотвѣтствующее усвоенному ими ученію заключеніе.

Подымался въ такихъ случаяхъ обыкновенно сильный шумъ, — лучшіе и болѣе способные спѣшили поскорѣе освободиться отъ навязаннаго имъ вывода, противъ котораго часто они болѣе только протестовали, не будучи въ состояніи точно формулировать лишь внутренно ощущаемый свой протестъ.

Подобныя упражненія чрезвычайно развивали мышленіе учениковъ о. Павла, и нѣкоторые изъ нихъ въ послѣдствіи оказались способными занять даже мѣста самостоятельныхъ миссіонеровъ.

Не скажу, чтобы положеніе мое, во время словопреній, особенно на первыхъ порахъ, было изъ завидныхъ. Нашъ общій наставникъ, отдавая дѣлу просвѣщенія «ребятъ» всею душою, не исключалъ и меня изъ числа обязанныхъ принимать дѣятельное участіе въ этой работѣ, и обыкновенно, поставивъ вопросъ, начиналъ немилосердно терзать и меня, неотвязно требуя, чтобы и я высказывалъ свои мысли.

Сознавая себя совершенно неосвѣдомленнымъ съ содержаніемъ и съ сущностію того, о чемъ начиналась рѣчь, я, защищая свое самолюбіе, особенно въ присутствіи своихъ же учениковъ, всячески старался уклониться отъ участія въ разрѣшеніи вопросовъ, чувствуя всю неловкость оказаться предъ юнцами совершеннымъ невѣждою во многомъ, что было уже хорошо извѣстно этимъ вольнослушателямъ «единовѣрческой академіи», какъ съ досадою и насмѣшкою называли школьниковъ о. Павла нѣкоторые интеллигенты, попадавшіе при свиданіяхъ съ архимандритомъ въ такое же положеніе, въ какое становился я, въ первое время своего пребыванія въ Никольскомъ монастырѣ.

Но не такъ-то легко было отклонить расходившагося о. Павла отъ усвоеннаго и испытаннаго имъ способа просвѣщенія поступавшихъ въ его «учебу» не только «ребятъ», но и взрослыхъ, хотя бы и образованныхъ. Несмотря на протесты и отказы, онъ, походивъ вокругъ меня, упрямаго, незамѣтно для меня самого, воодушевлялъ и меня горѣвшимъ въ немъ духомъ, и я, сперва робко, вяло и неумѣло, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, отбросивъ всякія свѣтскія, ограждающія самолюбіе личности условности, созналъ и исповѣдалъ открыто свое круглое невѣжество, тѣмъ самымъ низводя свое сомнѣніе къ послушливой покорности...

Правда, не легко было сдаться и больно-больно было убѣдиться, что многолѣтнее ученіе, посвященное обстоятельному знакомству съ древними классиками, оказывалось какъ бы напраснымъ и даже вреднымъ, въ смыслѣ насажденія кичливости и упрямства, тогда какъ самые лучшіе годы съ такою пользою могли быть отданы усидчивому изученію Св. Писанія и свято-отеческихъ твореній наряду съ самой подробной исторіей христіанской церкви!

— «Эхъ, дружечекъ ты мой», заключилъ тогда о. Павелъ свою побѣду надъ моимъ упрямствомъ и стремленіемъ укрыться со своимъ невѣжествомъ въ глубокую

раковину молчанія: «хорошее сказалъ ты слово — «не знаю». Теперь я уже и отстану отъ тебя, разъ ты сдался и сознался, что божественное, церковное да и все духовное тебѣ мало извѣстны. Какъ будетъ лѣчить докторъ больного, не зная, чѣмъ онъ страдаетъ?! И вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ: не скорби, что не учили тебя духовному, а самостоятельно возьмись за работу, начини изучать священное писаніе подъ руководствомъ толковниковъ; вашему брату, какъ я погляжу, легко можно и божественному обучиться, не то, что намъ простацамъ малограмотнымъ».

«Вотъ и вы, ребятки», закончилъ онъ: «благодарите Бога, что васъ кое-чему обучили: въ ваши годы мы еще не могли уйти такъ далеко, и то, что вамъ дается, при помощи учителей, въ мѣсяць-два, намъ доставалось многолѣтнимъ трудомъ».

#### IV.

Ставъ въ общежительномъ монастырѣ полноправнымъ членомъ, нарядившись даже, по собственному желанію, въ обыкновенный подрясникъ, я началъ тянуть общую всѣмъ обитателямъ монашествующимъ лямку...

Время такъ располагалось, что, при двухчасовомъ урокѣ до и такомъ же по продолжительности послѣ обѣда, я оказывался лишеннымъ возможности работать надъ самимъ собою, особенно въ виду того, что жить приходилось въ многолюдствѣ, при постоянно появлявшихся посѣтителяхъ, которымъ тоже надо было удѣлять любезно обрывочки остававшагося еще въ распоряженіи времени...

И лишь послѣ поправки отъ постигшей меня болѣзни, мнѣ дана была въ братскомъ, удаленномъ отъ настоятеля, корпусѣ большая келлія съ порядочною библіотекою, оставшеюся послѣ смерти одного іеромонаха, который, еще будучи старообрядцемъ, по личной склонности къ духовному просвѣщенію, собралъ вѣсколько сотъ книгъ по цер-

ковной исторіи, экзегетикѣ и разнымъ отдѣламъ богословія, а также почти полностью журналъ *Христіанское Чтеніе*, начиная съ первой его книги. Затѣмъ, здѣсь же было множество сочиненій по полемикѣ со старообрядцами, не исключая заграничныхъ изданій, составленныхъ въ духѣ непримиримой ненависти къ «господствующей» церкви.

Въ благословеніе на новое мѣсто жительства о. Павелъ вручилъ мнѣ и твореніе св. Іоанна Златоустаго «Бесѣды на св. Евангеліе отъ Маттея», въ 3 томахъ, присовокупивъ, что за остальными, многими еще книгами сего великаго учителя, я могу всегда обратиться къ нему, по прочтеніи вручаемыхъ.

Придя въ особую келлію, я положилъ данныя мнѣ три книги на столъ возлѣ дивана, служившаго мнѣ и вмѣсто кровати, съ явнымъ намѣреніемъ ежедневно посвящать извѣстное время на «усердное прочтеніе сихъ божественныхъ книгъ». Но, обведя глазами келлію и увидѣвъ великое множество книгъ, самыя заглавія которыхъ, до того времени, въ большинствѣ были мнѣ совершенно неизвѣстны, я не могъ удержаться отъ овладѣвшаго мною чувства величайшей радости, что у меня подъ руками будутъ такія сокровища... Немедленно открывъ одинъ огромный шкафъ, я началъ пересматривать хранившіяся въ немъ книги, пробѣгая бѣгло нѣкоторыя страницы, чтобы имѣть хотя малое представленіе о ихъ содержаніи...

Иныя же книжечки до того увлекали мое вниманіе, что я забывалъ и о ѣдѣ, и о возложенныхъ на меня обязанностяхъ, такъ что о послѣднихъ должны были напоминать мнѣ мои ученики, нерѣдко приходя за мною...

А творенія св. Іоанна Златоустаго такъ и лежали, нетронутыя, на столѣ,—остановился я на 15 страницѣ перваго тома и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ совсѣмъ и не раскрывалъ его болѣе ни разу. И лишь черезъ годъ по пріѣздѣ къ о. Павлу, выровнявшись и установившись нѣсколько, началъ я знакомиться съ отцами Церкви, начиная съ Златоустаго, книги котораго оставили на всю

дальнѣйшую жизнь неизгладимо-благотворное вліяніе. Но не безъ великой борьбы внутренней обрѣлъ я силы и крѣпость, чтобы отдаться подвигу изученія твореній этого отца великаго!..

Уже черезъ нѣсколько всего мѣсяцевъ, когда я радостно шествовалъ подъ властнымъ и неизмѣримо благодѣтельнымъ водительство́мъ этого проповѣдника покаянія, мнѣ сталъ доступенъ безпристрастный анализъ моего первоначальнаго состоянія душевнаго и почти враждебнаго отношенія къ произведеніямъ вселенскаго учителя...

Начавъ читать первый томъ, я очень скоро остановился, почувствовалъ ужасную скуку и крайнее нерасположеніе къ рекомендованному о. Павломъ толковнику. Я говорилъ себѣ, что, видно, не по нашему времени книги эти, когда священники мірскіе совсѣмъ и не читають ихъ, — такъ неразрѣзанныя и лежатъ онѣ въ бібліотекахъ!.. Теперь, думалъ я, надо что-нибудь къ нашему времени подходящее читать, во всякомъ случаѣ не многими вѣками отъ насъ отдаленное, а совсѣмъ современное, всецѣло захватывающее и умъ, и сердце...

Я точно обрадовался, что есть предлогъ бросить чтеніе Златоустаго, когда притомъ у меня подъ руками такая масса болѣе близкихъ мнѣ, по духу и по времени, произведеній, тоже вѣдь, сказать надо, духовныхъ, о тѣхъ же предметахъ трактующихъ, только живымъ, доходящимъ до души моей языкомъ...

Наконецъ, продолжалъ внутренній мой отрицатель: многія объясненія, святыми отцами приводимыя, теперь уже считаются ненаучными, неимѣющими авторитетной силы... Такъ зачѣмъ же я буду голову забивать ими? Не лучше ли, вмѣсто толкованій Златоустаго, штудировать прекрасные, изящно изданные переводы Лопухина, такимъ современнымъ языкомъ написанные... Это о. Павелъ, по своей некультурности, не зная лучшаго, довольствуется тѣмъ, на что современные мужи ученые уже и вниманія серьезнаго обращать не хотятъ...

А о. Павелъ, между тѣмъ, почти каждый день освѣдомлялся, какъ подвигается впередъ моя келейная работа: что читаю, какъ отношусь къ прочитанному, что особенно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе мое, какія полезныя и даже впервые вычитанныя мысли отмѣчаю себѣ для памяти...

Сперва отдѣлывался я отъ назойливыхъ вопросовъ наставника общими фразами или же довольно ловко избѣгалъ необходимость давать какой-либо отвѣтъ, чувствуя отвращеніе ко лжи. Но долго такую политику вести нельзя было, и я откровенно высказался въ томъ смыслѣ, что пока еще, вѣроятно, не пришло время для меня отдаться всецѣло этой работѣ, а какъ-нибудь, не отдаваясь всецѣло, всѣмъ своимъ умомъ и сердцемъ, не могу и читать, такъ какъ безъ благоговѣйнаго отношенія къ словамъ великаго учителя не вижу никакой для себя пользы, а даже вредъ чувствую...

И думаю я, что не забывалъ меня о. Павелъ въ своихъ молитвахъ святыхъ, благодаря которымъ отступилъ отъ меня возмущавшій меня нѣкоторое время тлетворный духъ маловѣрія: я сталъ съ сожалѣніемъ вспоминать, сколько уже времени потерялъ я, хотя и не даромъ, все же и не такъ плодотворно, какъ было бы, если бы слѣдовалъ неуклонно совѣту архимандрита.

И вотъ, самолично переживъ, во время чтенія твореній отеческихъ, цѣлые потоки благоговѣйныхъ чувствъ, то тихими колебаніями улаживавшихъ горѣ возносившійся духъ, то грозными всесокрушающими волнами повергавшихъ въ неисповѣдимый трепетъ многогрѣшную, убогую мою душу, я изъ личнаго, неоднодневнаго опыта могу утверждать, что, лишь благодаря коварству исконнаго врага человѣческаго—діавола, нерѣдко охлаждается даже горячее чувство вѣрующаго, стремящагося утолить жажду духовную отъ неисчерпаемаго источника мудрости божественной, которою преисполнены писанія великаго вселенскаго учителя, ибо тщетно искалъ я другого объясненія той

косности и той безчувственной холодности, въ которыя вдругъ впалъ я, когда впервые приступилъ къ изученію дивныхъ бесѣдъ предивнаго святителя.

Впрочемъ, одновременно съ высказаннымъ утвержденіемъ, у меня являлась, кажется, основательная мысль, рождавшаяся изъ Евангельскихъ словъ: «кое общеніе свѣту со тьмою?» Человѣку, погрузившемуся въ дразги житейскія, острастившемуся, увязшему въ тинѣ грѣховной, ножъ острый всякое замѣчаніе со стороны, всякая даже заслуженная укоризна... А тутъ вдохновенное слово, безпощадно бичующее служеніе грѣху, раскрывающее весь смрадъ зловонный, исходящій отъ дѣяній неподобныхъ, даже мыслей нечистыхъ!.. Не стерпѣть душѣ грѣшной такихъ обличеній, и надолго снова закроется чудная книга!.. Развѣ, за молитвы чьи-либо святые, вдругъ очнувшаяся отъ сна грѣховнаго, залъется слезами горячими душа многогрѣшная, да застонетъ отъ нестерпимой боли сердечной, исповѣдуя злыя дѣла свои неисчетныя, въ глубочайшемъ покаяніи припадая къ безконечно милосердному, всеблагому Богу,—о, тогда не возмогутъ удержать ее никакіе адскіе ковы!.....

Почти ежедневно вечеромъ прихаживалъ я къ о. Павлу, который, лежа по немощи своей, въ теченіе долгаго времени, заставлялъ меня до поздней ночи читать, будто для него лично, церковныхъ историковъ въ подлинникахъ, причемъ постоянно тревожилъ мое вниманіе разными вопросами. И лишь къ концу второго года, когда запасъ моихъ свѣдѣній уже значительно обогатился, и когда я уже не такъ затруднялся отвѣчать на задаваемые мнѣ вопросы, онъ пересталъ меня контролировать, предоставивъ въ дальнѣйшемъ почти самостоятельному выбору и книгъ, и занятій.

Мнѣ отрадно было видѣть и сознавать, что старецъ мною доволенъ и какъ бы успокоился за меня. Однажды, сказавъ мнѣ въ теплой, чисто-дружеской бесѣдѣ, что, по

его наблюденіямъ, онъ не надѣется, чтобы я остался на постоянное жительство въ обители, присовокупилъ, что поднятый мною трудъ для изученія Св. Писанія не останется безъ плода. «Если ты», сказалъ онъ мнѣ: «и не захочешь быть монахомъ, то, уйдя изъ монастыря и отдавшись прежнему образу жизни, черезъ нѣкоторое время будешь въ великой скорби, ибо ничто не будетъ тебя уже такъ, какъ прежде, привлекать,—относительно ничтожная цѣнность всѣхъ благъ земныхъ будетъ постоянно вставать предъ твоими очами, а вдохновенныя рѣчи Златолаголиваго не будутъ давать тебѣ покоя, день и ночь призывая на единственно многоцѣнный и паче всего желанный путь спасенія... Я бы тебѣ совѣтовалъ рѣшить свою дальнѣйшую судьбу смиреннымъ принятіемъ монашества... Помни,—теперь я тебя самъ къ мантии призываю, но будетъ время, когда не захотятъ тебя слушать и будутъ отклонять твои просьбы о постриженіи»...

## V.

Такъ всецѣло отдавался о. Павелъ дѣлу воспитанія и обученія проживавшихъ у него юношей и взрослыхъ, всемѣрно стремясь къ единственной цѣли — поставить человека на ноги, давъ ему возможность вполне самостоятельно продолжать обогащеніе знаніями, подъ непремѣннымъ и единственно признаваемымъ контролемъ глубокой и святой вѣры...

Поэтому, всевозможныя предположенія, каждымъ изъ птенцовъ его самостоятельно дѣлаемые, если только они не противились Писанію, не подымались дерзкими взмахами вольнодумства на опасную и призрачную высоту отрицательной критики, нисколько не запрещались, такъ что иногда на досугъ, въ рекреаціонныя часы, самъ о. Павелъ, а за нимъ и болѣе пытливые изъ окружавшихъ, дѣлали различныя предположенія о дальнѣйшей, вѣроятной судьбѣ Церкви Христовой...

Подобныя бесѣды чрезвычайно утѣшали жившую съ архимандритомъ братію... Намучившись за длинный день, въ суетѣ постоянной «озлобленные», т.-е. настрадавшіеся, ученики съ радостію отдавались такому отдыху... И не помню я, чтобы мы расходились когда, послѣ такихъ собраний, не успокоенные, напротивъ, чувствовалось всѣмъ существомъ, что силы духовныя какъ бы набирались новой крѣпости.

Одинъ только разъ, на моей памяти, омрачилось такое наше собраніе, и то по той причинѣ, что посѣтившій обитель, всѣмъ почти о. Павлу обязанный миссіонеръ изъ простецовъ, начитавшись Фаррара, пожелалъ порисоваться своей «цивилизацией», направленной въ сторону отрѣшенія отъ свято отеческихъ преданій...

Не успѣлъ этотъ «просвѣщенный» мужичекъ окончить позаимствованной имъ западной мысли, какъ уже загремѣлъ учитель, нещадно обличая всю тлетворность непоэволюционно-дерзкаго обращенія съ Словомъ Божиимъ... Возмутился духомъ чуткій къ вражескимъ навѣтамъ наставникъ и въ концѣ своей крылатой рѣчи, обращаясь къ навлекшему на себя вполне заслуженныя поношенія, присовокупилъ: «если ужъ ты заразился,—за высокоуміе попускаетъ Господь и такое искушеніе, — если заразился, говорю, свободомысліемъ, то и скрывай его въ сердцѣ своемъ, но не дерзай осквернять посторонній слухъ ядовитыми и гнилыми рѣчами».

Самъ архимандритъ смотрѣлъ бодро и спокойно впередъ и,—въ случаѣ высказываемыхъ опасеній о конечномъ поправленіи вѣры безъ мѣры увеличивающимся числомъ вольнодумцевъ, проповѣдующихъ совершенное освобожденіе христіанъ отъ «ига» церковности, т.-е. отъ всего, что такъ необходимо для таинственнаго окормленія благодатію въ первородномъ грѣхѣ зачинающагося человѣка, — постоянно утѣшалъ скорбящихъ словами Христа Спасителя, что расхитить сосуды въ учрежденной Имъ на землѣ Церкви могъ бы только тотъ, кто оказался бы сильнымъ связать Его, единого Крѣпкаго!..

А на всѣ эти потуги духа злобы нужно смотрѣть, какъ на одни лишь попущенія карающей десницы Господней, страшныя для нечестивыхъ ругателей, на большую высоту возводяція мужественно перепоясанныхъ искушеніямъ...

Для цѣлей полемики очень часто подымался вопросъ о второмъ пришествіи Господа нашего Ісуса Христа и объ указанныхъ въ Евангеліи его признакахъ.

Приводя статистическія указанія о сравнительномъ, въ отношеніи къ общему числу народонаселенія нашей планеты, количествѣ христіанъ, архимандритъ подчеркивалъ значительное превышеніе незнающихъ Христа и на основаніи этого утверждалъ, что явится еще не одинъ Владиміръ Равноапостольный.

Правда, всевозможныя техническія усовершенствованія, дающія возможность міровымъ событіямъ совершаться съ немыслимою для древняго міра быстротою, понуждали, въ разсужденіи о времени того грядущаго страшнаго событія, допускать соотвѣтственныя сокращенія.

О томъ же, что Господь, придя, «обрящетъ ли вѣру?», безъ всякаго колебанія говорилъ съ полнымъ утвержденіемъ, основываясь на словахъ Самого Спасителя: «одинъ поемлется, другой оставляется».

Въ отношеніи же къ нашему дорогому отечеству допускалъ возможность и массоваго отпаденія отъ вѣры...

И какъ скорбѣлъ и печалился покойный труженикъ, когда держава Россійская ввязалась въ кровавый споръ между дальневосточными народами. «Вотъ», говорилъ онъ: «со всѣмъ напрасно выступили мы противъ Японіи; никакъ нельзя было этого допускать, даже если бы пришлось и многимъ цѣннымъ пожертвовать. Не проститъ намъ этого вмѣшательства быстро возрастающее въ могущество и начинающее вліять на ходъ историческихъ событій островное государство, а дѣлу миссіи нашей отъ обостренія взаимныхъ между государствами нашимъ и японскимъ отношеній мало можно предвидѣть добра. Правда, тамъ истинный труженикъ подвизается, тамъ новый апостолъ

сѣтъ слово Божіе, и Господь видимо благословляетъ труды епископа Николая <sup>1)</sup>»...

«Такъ и надо всемѣрно содѣйствовать установленію какъ можно лучшихъ отношеній съ японскимъ правительствомъ. Тамъ не за горами принятіе христіанства всею страной, а потому и важно для торжества православія, чтобы наша миссія, никакой укоризны за собою не знающая, за строго соблюдаемое невмѣшательство во внутреннюю политику Японіи, возымѣла первенствующее, не принудительное, а заслуженное вліяніе на могущее состояться объявленіе христіанской религіи, именно въ формѣ православнаго исповѣданія, религіею государственною».

Не прошло и десяти лѣтъ послѣ памятной мнѣ бесѣды, какъ дальневосточный горизонтъ сталъ заволакиваться

<sup>1)</sup> Отецъ Павелъ съ любовію вспоминалъ о преосвященномъ Николаѣ, котораго онъ имѣлъ случай видѣть въ Саввиномъ подворьѣ, въ Москвѣ, во время посѣщенія этимъ епископомъ Бѣлокаменной, съ цѣлью сбора пожертвованій на сооруженіе собора въ Токио.

Добрѣйшій авва, приходившійся, кажется, землякомъ святителю японскому, такъ передавалъ мнѣ объ этомъ свиданіи: „Пріѣзжаю какъ-то къ преосвященному Леониду (этого архіерея очень уважалъ о. Павелъ), а у него гость, да какой гость, если бы ты зналъ! Самъ еп. Николай, апостоль японскій!.. Я ужъ обдумывалъ, какъ бы мнѣ хоть нѣсколько поговорить съ нимъ удалось, какъ хозяинъ-то словно угадалъ мое тайное желаніе и, повернувшись въ направленіи къ сосѣдней комнатѣ, началъ приглашать своего гостя къ намъ на бесѣду!.. Вотъ и сподобился я принять благословеніе отъ просвѣтителя далекой страны восточной, да Господь судилъ еще и утѣшить немного епископа, который въ разговорѣ началъ жаловаться, что Москва не откликается на призывъ его, въ газетахъ пропечатанный... „Хочу“, сказалъ онъ, „уѣзжать,—видно ошибся я въ расчетахъ своихъ на щедрость и отзывчивость столичныхъ благодѣтелей“. Вотъ тутъ-то я и позволилъ себѣ заступиться за старуху Москву. Я сталъ увѣрять еп. Николая, что Москвичи, несомнѣнно, прочитали его воззваніе и готовы пожертвовать, только прежде хотятъ увѣриться, въ какія руки попадутъ ихъ лепты. Я просилъ пообождать еще нѣсколько, увѣряя, что найдется даже немало жертвователей. И я не ошибся: чуть ли не на другой день поступила крупная сумма, и въ недолгое время собралъ святитель около 100 тысячъ рублей. Да совѣтовалъ я преосвященному соборъ-то строить пастоящій, большой. Тамъ вѣдь Господь благословилъ ужъ Церковь и чудесами милости Своей“.

Я помню, что о. Павелъ даже звонаря-слѣпца уже собралъ въ дорогу—въ Токио, да не знаю, почему это дѣло не осуществилось.

зловѣщими, грозными тучами, и близорукость патентованной дипломатіи нашей, не прислушивающейся никогда къ отголоскамъ самородныхъ, глубокопроникновенныхъ умовъ «далеко отстоящая яко близъ сущая» зрящихъ, ввела отечество наше въ величайшее бѣдствіе, которое «убоному» архимандриту Павлу было до мелочей видно, и не по прозорливости, на которую, въ избитомъ, современномъ смыслѣ, онъ никогда не претендовалъ, о чемъ я буду еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ, а по здоровой, русской народной логикѣ и по тонко развитому чутью къ правдѣ Божіей, въ дѣлахъ земныхъ для земная мудрствующихъ незримо дѣйствующей <sup>1)</sup>).

*Н. И. Д....скій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

<sup>1)</sup> Другой примѣръ поразительной съ виду освѣдомленности, въ смыслѣ предрѣшенія окончательнаго уже исхода начавшейся несчастной войны, вѣдомый мнѣ, исходитъ отъ подобнаго же носителя чисто народной русской мудрости:

Въ самомъ началѣ войны, оканчивалъ дни своей жизни въ больницѣ Ново-Аеонскаго (близъ Сухума, на Кавказѣ) Симоно-Кананитскаго монастыря благочестивый іеросхимонахъ Зотикъ, типичный представитель центральной Россіи... Когда оглашена была телеграмма объ открытіи враждебныхъ дѣйствій, этотъ полумертвецъ написалъ на листочкѣ бумаги слѣдующія слова: „Японія побѣдитъ Россію“ и положилъ эту маленькую записочку на фельдшерскій столъ, помѣщающійся въ той палатѣ, въ которой лежалъ о. Зотикъ. Одинъ изъ служащихъ братіи, приставленной для ухода за больными, случайно подошелъ къ столу, прочиталъ вслухъ написанное и, страшно вознегодовавъ на дерзкаго провѣщателя, громко воскликнулъ: „какой дуракъ написалъ такую гадость!“, а затѣмъ, когда обвиняемый немедленно признался и сталъ просить, по своему смиренію, прощенія, то не только неосторожно похулившій его, но и вся бывшая тогда въ больницѣ братія услышали совсѣмъ простую рѣчь простаго монаха, въ которой онъ объяснилъ, что страшная распущенность Русскихъ, доходящая почти до совершеннаго забвенія ими закона Божественнаго, вопіетъ на небо, и милосердый Господь посылаетъ всей землѣ нашей, упивающейся мерзостію идолослуженія (страстямъ), заслуженную кару, которая только и можетъ еще образумить весь народъ нашъ, отъ края низу до верху стоящихъ... Этотъ схимникъ не дождался сбытія своего правдиваго, отзывающагося такою библейскою простотою умозаключенія, но присутствовавшіе тогда въ палатѣ монахи передавали мнѣ, что о. Зотикъ неоднократно и рѣшительно отрицалъ благополучный для насъ исходъ этой войны... Какъ полезно было бы заблаговременно совѣтоваться съ такими „прозорливцами!“

# ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ ПРУССКОМЪ (1892—1895 гг.)<sup>1)</sup>.

---

## VI.

«Ищите прежде царствія небеснаго, и сія вся приложатся вамъ»,—вотъ исходная точка для всѣхъ разсужденій, которыя велъ о. Павелъ о дѣлахъ земныхъ, какъ частныхъ, одного человѣка касающихся, такъ и перво-степенной государственной важности. Никакія увлеченія, столь естественныя для всякаго земнороднаго, не могли надъ старцемъ простирать своей силы до забвенія имъ или невольнаго пренебреженія великими и святыми Евангельскими истинами.

О, какъ возмущался онъ, приснопамятный, когда замѣчалъ за кѣмъ-либо изъ питомцевъ своихъ преклоненіе предъ тельцомъ златымъ! Слишкомъ памятенъ мнѣ одинъ случай, и трудно умолчать о немъ, такъ какъ онъ прекрасно обрисовываетъ совершенное нестяжаніе архимандрита, хотя и идейное (да серебро и золото очень рѣдко и въ руки его попадали!), и чрезвычайную чуткость благоговѣйнаго и зоркаго наставника къ недостаткамъ малыхъ сихъ.

Въ этой страсти къ скопленію имѣній онъ видѣлъ разореніе всѣхъ трудовъ своихъ, которыхъ онъ не щадилъ,

---

<sup>1)</sup> Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душепол. Чтенія*. 1906 г.

лишь бы вкоренить въ сердцахъ учениковъ своихъ совершенное упованіе на одну милость Божію.

Случилось, что одинъ изъ воспитанниковъ о. Павла, прекрасно усвоившій приемы полемики, подъ авторитетнымъ руководствомъ самого архимандрита прочитавшій много святоотеческихъ твореній, молодой, вполне здоровый, никакими пороками не страдавшій, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, повидимому, прекрасный кандидатъ на небезполезное служеніе Церкви, позволилъ себѣ проявить въ рѣшеніи важнаго, касавшагося всей дальнѣйшей судьбы своей, дѣла, совершенно единолично, безъ совѣта со старцемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы пренебрежительное къ послѣднему дерзновеніе, послѣдствіемъ чего и явилось плохо маскируемое усердіе къ приобрѣтенію бумажныхъ цѣнностей...

Какимъ гнѣвомъ воспылалъ о. Павелъ, какъ нещадно громилъ эту чрезмѣрную заботу о завтрашнемъ днѣ... Да, онъ весь пылалъ гнѣвомъ, но не тѣмъ, который «правды не содѣлываетъ», а гнѣвомъ святымъ, который угоденъ бываетъ Богу, какъ проявленіе святыхъ чувствъ..., о которомъ, какъ единственно допустимомъ, такъ любить говорить и великій Златоустъ.

Печалень и скорбень былъ авва не одинъ день и лишь на третій допустилъ къ себѣ забывшаго о своемъ призваніи и назначеніи питомца, неутѣшно все это время проливавшего слезы. И хочется думать, что слезы эти были искреннія, омывшія скверну любостяжанія, которое не должно имѣть мѣста при посвященіи себя проповѣди Евангелія и служенію Церкви Христовой.

«А если Господь посылать будетъ тебѣ богатство», говаривалъ архимандритъ: «то, принявъ съ благодарностію, не увлекайся гибельною страстію, а употребляй посланное тебѣ во славу Божію... Если ужъ не захочешь другимъ, нуждающимся, раздать, то лучше истрать на себя, только не собирай, чтобы не очерствѣло сердце твое»...

Страхъ, чтобы змѣй сребролюбія не обвился вокругъ

шей кого-либо изъ учениковъ, понуждалъ о. Павла почаще напоминать завѣтъ Спасителя Своимъ ученикамъ, когда посылалъ Онъ ихъ на проповѣдь. А примѣръ ап. Іуды, который сребролюбія недугомъ до того омрачился, что дерзнулъ даже предать Своего Учителя, являлся всякій разъ на помощь, когда нужно было потрясти души юныхъ слушателей спасительнымъ страхомъ Божиимъ.

Въ этомъ поучительномъ примѣрѣ архимандритъ отрицалъ всякое другое толкованіе, не допускалъ никакихъ «вѣроятныхъ» предположеній о побужденіяхъ Іуды къ предательству Господа, вродѣ желанія насильственно ускорить открытіе царства Мессіи на землѣ... Нѣтъ, онъ принималъ евангельское слово во всей точности его значенія, потому что зналъ страшную силу и величайшую гибельность страсти сребролюбія, благодаря которой даже сіявшіе святостію подвижники низвергались до отпаденія отъ Христа!..

Великій принципъ нестяжанія, поставленіе себя выше крайне низменной страсти сребролюбія великій миссіонеръ признавалъ главнѣйшимъ условіемъ благопріятнаго служенія просвѣщенію заблуждающихся и смѣло ободрялъ опасавшихся отложить заботу о завтрашнемъ днѣ общаніемъ помощи Божіей въ устроеніи земного благополучія и особенно неоставленія Матеріею Божіею въ дѣлѣ наилучшаго воспитанія дѣтей, на необходимость чего особенно, оправдывая свою косность, ссылаются современные пастыри овецъ словесныхъ.

Для подтвержденія истинности высказываемаго увѣренія, не разъ приводилъ о. Павелъ лично ему извѣстные примѣры чрезвычайно плодотворной миссіонерски-пастырской дѣятельности, объ одномъ изъ которыхъ желающіе могутъ узнать изъ 3-го тома его сочиненій.

Поэтому, когда возбужденъ былъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи нашего преимущественно сельскаго духовенства на одномъ изъ миссіонерскихъ сѣздовъ, а также и въ печати, то, соглашаясь съ необходимостію

нѣкотораго въ этомъ отношеніи улучшенія, архимандритъ высказывалъ большое и, кажется, небезосновательное опасеніе, какъ бы полная матеріальная независимость пастырей совершенно не удалила послѣднихъ отъ пасомыхъ, болѣе тѣсное сближеніе съ которыми, при современномъ способѣ обезпеченія духовенства, является, въ силу необходимости, обязательнымъ для каждаго причта.

Полученіе же средствъ для существованія отъ алтаря покойный не признавалъ унижительнымъ или способнымъ повліять на умаленіе авторитета пастырей, конечно, при условіи истиннаго, высокаго отношенія къ своему званію со стороны послѣднихъ, потому что, при наличности глубокой вѣры, никто изъ пастырей не позволитъ себѣ даже высказывать какія либо матеріальныя претензіи своимъ пасомымъ, не говоря уже о предосудительной торговлѣ съ ними по поводу подлежащаго совершенія требъ, равно какъ и пасомые сами, по собственной, отъ нихъ самихъ исходящей инициативѣ, недопустятъ, чтобы дорогой ихъ батюшка, готовый душу свою положить за нихъ, единственный, можно сказать, защитникъ ихъ предъ властями земными и ходатай за нихъ предъ престоломъ Царя небеснаго, чтобы этотъ любвеобильный отецъ, учитель, покровитель и заступникъ ихъ самъ терпѣлъ нужду безвыходную...

А накопленіе богатствъ, пополненіе банковъ капиталами духовенства страшно пугали о. Павла, какъ несомнѣнное свидѣтельство, что заботы о себѣ самихъ воспреимуществовали предъ священною обязанностію всецѣло пещись о духовно-нравственномъ просвѣщеніи ввѣренныхъ имъ людей Божиихъ... Со слезами, бывало, читалъ старецъ своимъ ученикамъ увѣщанія къ «спасущимъ себя, утѣвляющимъ и отолстѣвшимъ» пастырямъ, изреченныя чрезъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, и тѣ прещенія, какими угрожалъ Богъ, въ случаѣ ихъ неисправленія.

Любвеобильный и незлобивый о. Павелъ тотчасъ же всѣмъ существомъ своимъ выражалъ радость ангельскую,

если отъ приходившихъ къ нему за разъясненіемъ недоумѣній получалъ свѣдѣнія объ истинныхъ священнослужителяхъ. И съ какою отрадою слушалъ онъ прочитываемые ему, въ разное время дня и ночи, рассказы о такихъ выдающихся примѣрахъ нестяжанія!

Не помню, въ какомъ именно духовномъ журналѣ, кажется, въ *Душеполезномъ Чтеніи*, читали мы о милостивомъ протоіерее Вологодскаго собора, который получаемыя имъ въ церкви доходы никогда почти не могъ донести до дому, раздавая деньги по дорогѣ... А между тѣмъ у этого батюшки и семья была изъ нѣсколькихъ членовъ, и дѣтокъ надо было воспитывать и обучать! Но вѣра праведнаго и милостыни его не остались предъ Богомъ тщетными, и Господь возвелъ сына его, окончившаго курсъ военно-медицинской академіи, въ почетное званіе придворнаго врача, и императоръ Николай I не оставлялъ его своими милостями...

Не успѣлъ я дочитать статейку, какъ ужъ потребовалъ архимандритъ всѣхъ своихъ питомцевъ къ себѣ въ келлію и, лежа на одрѣ болѣзни, приглашалъ ихъ выслушать поучительно-назидательный рассказъ о милостивомъ протопопѣ. И это повторялось всякій разъ, какъ только являлся подходящій литературный матеріалъ...

## VII.

Усматривая огромное вліяніе на такой или другой поворотъ дѣятельности священника, а также и на образъ жизни его со стороны ближайшей помощницы его — матушки, о. Павелъ сѣтовалъ, что для сельской жизни, въ большинствѣ лишенной комфорта и городскихъ развлеченій и удовольствій, не соответствуетъ получаемое дочерями нашего духовенства воспитаніе въ современной постановкѣ епархіальныхъ училищъ...

Въ самомъ дѣлѣ, привычка—вторая натура, и большая часть привычекъ (несоблюденіе постовъ, небрежное отно-

шеніе къ домашней и даже церковной молитвѣ и такое же къ крестному знаменію, танцы и проч.), въ юныхъ годахъ накопленныхъ, сопровождаютъ человека почти всегда до самой могилы. Сравнительная же изнѣженность, утонченность вкуса, стремленіе устроить себѣ возможно лучшую обстановку,—все это такія крѣпкія цѣпи, которыя трудно бываетъ разорвать, и это возможно только для характера незауряднаго, свидѣтельствующаго о духовной мощи, проявляющейся въ преимущественной склонности къ идейному служенію, а не къ обычному прозябанію.

И вотъ батюшка, иногда и добрый отъ природы, связавъ судьбу свою съ изнѣженною, неспособною къ серьезной борьбѣ съ невзгодами жизни особою, вскорѣ вынужденъ бываетъ, за отсутствіемъ силы воли и твердости характера, сообразоваться и въ дѣятельности своей съ «милыми» качествами матушки!

Правда, оба интеллигентные, они — чистый кладъ для деревни, когда лучшія ихъ силы духовныя направлены на святое служеніе просвѣщенію темнаго люда... Боже, сколько на этомъ попрощѣ возможности возрастить свои таланты! А между тѣмъ тысячи пастырей безъ серьезной борьбы пасуютъ предъ встрѣчающимися препятствіями всякаго свойства и характера и совсѣмъ «неблагородно» отступаютъ, замыкаясь со всѣми своими познаніями въ тѣсно очерченный кругъ.

И, наоборотъ, энергичная, дѣятельная и трудолюбивая матушка, которой умственный кругозоръ далеко выходитъ за предѣлы своего дома, не останавливается тупо на обезпеченіи только гнѣздышка своего, а смѣло и рѣшительно идетъ въ народъ, щедро раздавая нуждающимся свое богатство некрадое—полезныя знанія, ревниво поддерживая всякое нарождающееся доброе дѣло.

О. Павелъ съ трудно передаваемымъ одушевленіемъ рассказывалъ мнѣ про одну матушку, которая вывела супруга своего изъ овладѣвшей имъ спячки духовной,

сама являясь предводительницей въ просвѣтительной дѣятельности, повуждая развинтившагося было мужа почаще говорить проповѣди, составлять которыя, за нежеланіемъ послѣдняго, приходилось ей самой, а потомъ, когда, благодаря настойчивости своей супруги, батюшка постепенно сталъ оправляться отъ одолѣвшаго его недуга, были организованы внѣбогослужебныя бесѣды, опять-таки при непосредственномъ и притомъ активномъ участіи достойной просвѣтительницы народа, который сталъ относиться къ ней съ совершеннымъ довѣріемъ, видя съ ея стороны горячее и безкорыстное участіе къ своимъ нуждамъ, горю и проч.

А что особенно возвысило въ глазахъ архимандрита эту желанную сотрудницу священнослужителя, такъ это ея неутомимая ревность къ просвѣщенію заблуждающихся, которыхъ было немало въ приходѣ ея мужа. Для этой цѣли матушка предварительно ознакомилась нѣсколько съ содержаніемъ полемическихъ книгъ, а потомъ начала свѣтъ здравыя понятія объ обрядахъ и догматахъ, рѣзко отѣняя приводимыми примѣрами сравнительное значеніе первыхъ и неизмѣняемость вторыхъ, и, посѣщая дома извѣстныхъ ей прихожанокъ-старообрядокъ, сперва читала имъ вслухъ бесѣды о. Павла, а, по мѣрѣ усвоенія свѣдѣній, выступала и самостоятельно для борьбы съ существеннѣйшими заблужденіями расколоучителей...

Та совершенная обезпеченность матеріальная, за которую ратуютъ нѣкоторые радѣтели о благѣ духовенства, на самомъ дѣлѣ можетъ даже окончательно подорвать высокій духъ пастырства.

Кто осмѣлится отрицать, что весьма пріятно чувствовать себя совершенно независимымъ матеріально отъ «какихъ-то мужиковъ», позволяющихъ себѣ вступать въ торгъ при предъявленіи требованій со стороны причта? Или кому придетъ въ голову оспаривать положеніе, что вкусный обѣдъ, хорошо устроенное помѣщеніе и возможность удовлетворять «культурнымъ» привычкамъ почти

всякаго интеллигента — весьма желательныя условія пастырскаго существованія?! Но пусть допроситъ свою совѣсть проникнутый евангельскимъ духомъ пастырь, въ этомъ ли только его призваніе, къ такому ли идеалу, въ смыслѣ ли комфорта и обезпеченности существованія, направлялись его юныя, еще совершенно чистыя мечты? Не восхищали ли его высокіе образцы безкорыстныхъ служителей алтаря, весь свой умъ, всѣ чувства свои святыя тунѣ приносившихъ къ подножію престола, покорно довольствуясь доброхотными подаваніями... Не захватывало ли его дыханіе неистовѣнно радостное, высоко умилятельное сознаніе, что онъ, грѣшный и недостойный, избравъ Великимъ Пастыреначальникомъ для освященія святыми тайнами людей Божиихъ, для наученія ихъ евангельскимъ истинамъ?! Если онъ переживалъ всѣ эти высокія чувства и неземныя состоянія, то врядъ ли поблагодаритъ такой отецъ непрощенныхъ радѣтелей объ обезпеченіи его существованія.

### VIII.

Вопросъ о томъ или другомъ контингентѣ нашихъ пастырей для такого миссіонера, какъ о. Павелъ, окончательно, на всѣхъ пунктахъ, выяснившего всю внутреннюю несостоятельность раскола и поразившаго эту духовную язву нашего организма государственнаго не жестокими прижиганіями, тѣмъ самымъ мало пріемлемыми, но отечески-нѣжными, любвеобильными разъясненіями, — этотъ вопросъ о качествѣ боевыхъ силъ не могъ не представлять для «плевея искоренителя» первостепенной важности: средства для лѣченія хроническаго недуга найдены, нужно только умѣло и терпѣливо ими пользоваться, чтобы расколъ, доселѣ стоявшій на мнимо-прочномъ, незыблемомъ фундаментѣ, прежде, по своей якобы неприступности, чрезвычайно грозный, самообольщенный и кичливый, въ мень-

шинствѣ «злохитреннѣй», въ массѣ же простосердечный, но страшно темный и невѣжественный, чтобы этотъ расколъ, подъ дружнымъ натискомъ россійскаго духовенства, съ одушевленіемъ отдавагося дѣлу увѣщанія заблуждающихся, совершенно пошатнулся, потерпѣвъ всенародное раскрытіе неспасительности своего упованія!

Тѣмъ болѣе роковымъ становился этотъ вопросъ, что изъ громаднаго по численному составу духовенства, за сравнительно продолжительное время, заявили себя на попрѣшъ борьбы съ зловреднымъ недугомъ, подобно эпидеміи, безпрепятственно распространявшимся по лицу земли родной, лишь немногіе, совсѣмъ немногіе священники. Все же множество пастырей дѣлали видъ, что не замѣчаютъ даже никакой опасности для своихъ пасомыхъ отъ разлившейся заразы, и не принимали никакихъ мѣръ къ раскрытію несостоятельнаго ученія, не только съ цѣлю обращенія недугующихъ, но даже и въ видахъ огражденія еще непотерпѣвшихъ душевнаго вреда.

Невыразимо болѣла душа архимандрита Павла, когда, несмотря на повсемѣстное уже снабженіе церковныхъ библиотекъ не только руководствами къ обличенію, но и специально отпечатанными единовѣрческой типографіей «старыми», пользующимися довѣріемъ старообрядцевъ, книгами, дѣло оглашенія отпавшихъ нисколько не подвигалось впередъ... Самъ собою, со всею неумолпмою очевидностію, предсталъ крупный фактъ отрицательнаго значенія, выяснитъ который, главнѣйшимъ образомъ, съ его внутренней стороны, являлась настоятельная необходимость.

Тутъ нужны были мѣропріятія со стороны центральнаго духовнаго управленія, содѣйствіе котораго, въ силу авторитета архимандрита Павла и вслѣдствіе уваженія къ особѣ его, оказалось обеспеченнымъ, лишь только послѣдній, выяснивъ роковое значеніе совершенной инертности духовенства въ борьбѣ съ расколомъ, предложилъ созвать всероссійскій съѣздъ миссіонеровъ.

«Явилась», говорилъ мнѣ о. Павелъ: «необходимость

хорошенько изслѣдовать, какими обладаетъ русская Церковь силами, для защиты сыновъ своихъ отъ вреднаго ученія, проявляющаго неусыпную дѣятельность, въ цѣляхъ отторженія отъ Церкви возможно большаго числа ея членовъ. И вотъ, когда собрались у насъ отцы и братія, то и стало видно, не для меня лично, — изъ разсказовъ отдѣльныхъ лицъ, посѣщающихъ меня, я уже зналъ многое, — а для высшей духовной власти, что съ такимъ составомъ дѣятелей трудно осуществить тѣ лучшія надежды, которыя возлагались на отечественныхъ просвѣтителей».

— «Охъ, дружечекъ», продолжалъ вспоминать пережитое неутомимый старецъ: «досталось мнѣ немало хлопотъ, когда съѣхавшіеся миссіонеры, большею же частію только «почитаемые» миссіонерами, стали высказывать свои взгляды да мнѣнія. Много нашлось между ними и такихъ, которые не желали даже снисходительно отнестись къ старымъ обрядамъ, вещи второстепенной..., а насъ, единовѣрцевъ, считали чуть не такими же раскольниками. Надо было, прежде всего, предпринять миссіонерскую проповѣдь къ самимъ миссіонерамъ-перстовѣрамъ, установить правильный взглядъ на измѣняемость обрядовъ и проч.».

«Вотъ видишь, какую пользу принесъ вамъ съѣздъ: онъ выяснилъ намъ, что дѣло миссіи въ рукахъ, совсѣмъ мало пригодныхъ, за немногими исключеніями, что книги, рассылаемыя по приходамъ, зараженнымъ расколомъ, лежатъ на полкахъ не разрѣзанными, причемъ нашлись даже такіе отцы, которые, мало того, что сами ихъ не читали, не давали ихъ и желающимъ познакомиться съ ними, такимъ отказомъ совершая тяжкій проступокъ».

«Да, кромѣ того, на съѣздѣ нѣкоторые болѣе пожилые священники, чуждые современнаго движенія въ пользу распространенія здравыхъ понятій о расколѣ при помощи книгъ и бесѣдъ, открыто заявили, что они и сами въ указанномъ смыслѣ никого не учили, и другимъ не давали устраивать бесѣдъ, изъ личныхъ, чисто матеріальныхъ побужденій, чтобы не лишиться, при громадномъ

семействѣ, поступающихъ въ ихъ пользу доходовъ отъ числящихся, только по исповѣднымъ вѣдомостямъ, ихъ прихожанами старообрядцевъ, которые охотно уплачиваютъ слѣдующее съ нихъ подъ условіемъ, чтобы ихъ не беспокоили да не стѣсняли разными увѣщаніями и бесѣдами».

Когда я замѣтилъ, что такое откровенное признаніе, при всей внутренней своей неблаговидности, является своего рода геройствомъ, то о. Павелъ пояснилъ мнѣ, что въ предварительномъ къ миссіонерамъ официальномъ обращеніи было торжественно заявлено, что всякое признаніе въ незаконныхъ по должности дѣйствіяхъ, тормозившихъ дѣло миссіи, съ чистосердечнымъ объявленіемъ мотива послѣднихъ, не будетъ поставлено въ укоръ, лишь бы не повторялось этого на будущее время.

«И вотъ раскрылись на сѣздѣ наши собственные язвы, къ которымъ надо было отнестись съ должнымъ вниманіемъ. Тутъ-то и началъ я хлопотать о назначеніи жалованія бѣднѣйшему сельскому духовенству, особенно въ зараженныхъ расколомъ приходахъ, чтобы устранить причины, вводящія отцовъ духовныхъ въ величайшій соблазнъ. Такъ и стали отпускать изъ государственныхъ суммъ по 500 тысячъ ежегодно на жалованіе мало обеспеченнымъ причтамъ».

Взглядъ о. Павла на «совершенное» обезпеченіе духовенства изложенъ мною въ предыдущей главѣ.

*Н. И. Д...скій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

# ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ ПРУССКОМЪ (1892—1895 гг.)<sup>1)</sup>.

---

## ІХ.

Крайне рискованно было съ моей стороны касаться вопроса такой важности, но, оставивъ совершенно въ сторонѣ этотъ до жгучести больной фактъ нашей духовной жизни, я лишилъ бы свои воспоминанія самой существенной, наиболѣе серьезной части.

Мнѣ по тому же вопросу остается сказать лишь относительно средствъ, къ какимъ, въ сужденіяхъ своихъ о лучшей постановкѣ воспитанія будущихъ священнослужителей, совѣтовалъ о. Павелъ всемѣрно прибѣгнуть, принципиально полагая въ основаніе этого самопервѣйшей важности дѣла слѣдующія существеннѣйшія положенія:

Неиспорченные дѣти, опредѣленные, по такъ или иначе проявленной ими склонности, въ духовныя школы, должны и выходить изъ стѣнъ заведенія чистыми и невинными юношами, не наученными въ общежитіи дурнымъ привычкамъ и порокамъ: куренію табаку, пьянству, сквернословію, кощунственнымъ козлогласованіямъ, несоблюденію постовъ, лживости и проч. На эти «мелочи» не обращаютъ воспитатели должнаго вниманія, быть можетъ, по убѣжденіямъ своимъ, не придавая имъ серьезнаго значенія, а

---

<sup>1)</sup> Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Чтенія*. 1906 г.

между тѣмъ, привитыя еще на школьной скамьѣ, привычки эти почти всегда лишь съ величайшимъ трудомъ искореняются, требуя отъ возымѣвшихъ желаніе бороться съ ними не для всѣхъ возможнаго напряженія силы воли, обусловливающаго побѣду, при усиленной притомъ молитвѣ о благодатной помощи свыше. Отрицательные же навыки эти несовмѣстимы положительно съ благотворно-полезной дѣятельностію іерея Божія.

Въ совмѣстной жизни въ пансіонахъ, куда, за извѣстную плату, отдають родители принятыхъ въ школу дѣтей, должна господствовать самая примѣрная простота во всемъ рѣшительно, съ обязательнымъ и неуклоннымъ соблюденіемъ законовъ церковныхъ, при разумномъ освѣщеніи внутренняго смысла, скрывающагося въ послѣднихъ, что придаетъ видимому и только кажущемуся ригоризму таковыхъ привлекательно-просвѣтительный смыслъ...

Нелицемерный примѣръ воспитателей, благоговѣйныхъ, украшенныхъ всякими добродѣтелями, со страхомъ и трепетомъ совершающихъ свое служеніе, дать силы и укрѣпить энергію юношей, съ самаго ранняго возраста практически осуществлять завѣты религіи и свято-отеческіе законы о молитвѣ, постѣ, о храненіи себя въ чистотѣ наружной и, главнѣйшимъ образомъ, въ чистотѣ внутренней, сердечной, безъ которой немислимо приблизиться къ Богу, вѣру въ Котораго необходимо, безусловно необходимо пастырю проповѣдывать не только устнымъ исповѣданіемъ и словеснымъ ученіемъ, но, преимущественно, и всею жизнію своею, въ дѣлахъ проявляемою, чтобы иначе не уподобиться лишь кимвалу бряцающему, мѣди звенящей.

Надо отбросить предвзятое, чисто кастовое утвержденіе, что для плодотворной дѣятельности, на поприщѣ высокаго пастырскаго служенія, *безусловно необходима* какъ можно высшая эрудиція, въ жертву которой жестоко, безжалостно и фанатично приносится самопервѣйшее обязательное условіе — чистота сердца, способнаго, даже при

нѣкоторомъ лишь достиженіи послѣдней, воспламеняться самоотверженною любовію къ пасомымъ до принесенія въ жертву, въ случаяхъ крайней необходимости, не только извѣстныхъ удобствъ или выгодъ, но даже и драгоцѣннѣйшаго дара Божія—жизни временной...

Не отъ того ли и вѣра дѣятельная среди представителей «ученаго» духовенства стала столь рѣдкой, что изъ тысячи пастырей встрѣтить можно «добрыхъ», а не наемниковъ, развѣ лишь малое число? Не потому ли и дѣятельность пастырская почти исключительно проявляется въ ученыхъ да научныхъ занятіяхъ, въ литературныхъ рапортахъ да сухихъ официальныхъ отчетахъ?

Не руководствуется современный отецъ духовный въ дѣятельности своей страхомъ Божиимъ, который одинъ, составляя неоцѣненное приобрѣтеніе, можетъ съ избыткомъ искупить неимѣніе обязательнаго ценза и въ практической жизни церковной принести плоды неизмѣримо обильнѣйшіе. Еще не всѣ люди русскіе приобщились столь привлекательной и такъ ядовито-разрушительной культурѣ западной, еще большая половина народа нашего руководствуется въ жизни своей патріархально простыми завѣтами праотцевъ,—такъ зачѣмъ же непремѣнной и безусловно необходимой мѣрой правоспособности на занятіе мѣстъ сельскихъ пастырей строжайше поставляется выучка семинарская, въ большинствѣ насаждающая множество привычекъ и идей, сыгравшихъ такую печальную роль въ дѣлѣ положительнаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія простаго народа!

А сдѣлавъ рѣшительную уступку, въ смыслѣ низведенія регламентированныхъ требованій, предъявляемыхъ, въ настоящее время, каждому изъявляющему желаніе посвятить себя служенію Церкви до возможно-меньшаго формальнаго уровня, полезнѣе было бы для дѣла главнѣйшимъ образомъ останавливаться на внутреннихъ качествахъ просителя, по заповѣди апостольской, поставляя на второмъ мѣстѣ знаніе философскихъ дисциплинъ и дру-

гихъ соприкасающихся съ послѣдними наукъ. Ибо во- истину прискорбно констатировать тотъ печальный фактъ, что въ погонѣ за учеными, перѣдко лишь по аттестату, кандидатами, многіе архіереи, такіе же, по чисто сослов- ной «прямолінейности», фанатики, приносили и приносятъ въ жертву безсмысленнымъ и жестокимъ, по безпопадной канцелярской сухости своей, инструкціямъ и правиламъ живыя души людей Божіихъ, оставляя ихъ, въ силу лишь своего дипломированнаго упрямства, безъ руководства и наставленія, безъ животворнаго, благоговѣйнымъ пасты- ремъ въ жизни своей подаваемого и временно, и безвре- менно, преимущественно назидательнаго примѣра.

Когда будетъ низринуто съ фальшиваго, по своей мни- мой высотѣ, пьедестала это кабинетнымъ духомъ отдаю- щее предъявленіе къ кандидатамъ на священство обяза- тельнаго прохожденія цѣлаго ряда наукъ, знаніе которыхъ само по себѣ отнюдь не даетъ тѣхъ заповѣданныхъ апо- столемъ внутреннихъ достоинствъ, безъ которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна цѣнность диплома, тогда только про- никнетъ въ ряды пастырей россійскихъ желанное, высо- кое, надо сказать, начало «богатѣнія въ Бога», способ- ное, по своей сравнительной независимости отъ тлетвор- наго вѣянія духа времени, составить постоянный драго- цѣнный фондъ, тотъ неисчерпаемый кладъ духовный, исканіе котораго вдохновляетъ простаго русскаго чело- вѣка часто на многолѣтній подвигъ хожденія по Руси необъятной...

Такимъ образомъ, самъ собою вырисовывается любез- ный народу русскому, а потому желанный и безусловно необходимый, типъ воспитанника будущей духовной школы: требовательный къ себѣ, разумно-снисходительный къ дру- гимъ, не начальства ищущій, а способный охотно ока- зывать повиновеніе высшимъ побужденіямъ духа, просто- сердечно, горячо вѣрующій въ Бога, подъ руководствомъ вселенскихъ учителей въ молитвенно-тепломъ уединеніи утверждающій вѣру свою прилежнымъ изслѣдованіемъ

Писавія, паче всего возлюбившій Господа Ісуса Христа, этотъ послѣдователь Его готовъ радостно возложить на себя благое иго Господне, чтобы всю жизнь свою, не тяготясь бременемъ Христовымъ, проповѣдывать святое Евангеліе, свидѣтельствуя предъ всѣмъ міромъ о неизреченной благодати Сына Божія, всѣхъ безъ исключенія призывающаго въ царство Свое небесное.

А проповѣдь такого служителя алтаря будетъ силою своей внутренней убѣдительности неизмѣримо благотворно дѣйствовать на людей, одержимыхъ пороками и страстями, такъ какъ грѣшники, немощные и безвольные непремѣнно хотятъ видѣть въ лицѣ пастыря и учителя челоуѣка, стоящаго сравнительно съ ними на недосыгаемой высотѣ нравственной, отъ требуемой ими чуть не святости отца духовнаго втайнѣ надѣясь получить исцѣленіе подавляющей ихъ безконечно тяжести грѣховной.

Когда же я позволилъ себѣ высказать, что изъ этихъ сужденій явствуется полное пренебреженіе къ такъ называемымъ «ученымъ» пастырямъ, то о. Павелъ сильно возсталъ противъ такого заключенія.

«Ты не имѣешь права», возразилъ онъ, «взводить на меня, живого, такой поклепъ! Нѣтъ, истинно ученыхъ пастырей и профессоровъ я искренно уважаю и горячо ихъ люблю, и молю Господа, чтобы такихъ «настоящихъ» ученыхъ Онъ, Всемогущій Защитникъ созданной Имъ Церкви святой, постоянно являлъ, особенно въ трудныя для корабля церковнаго эпохи историческія».

«Развѣ ты еще не узналъ меня настолько, чтобы правильно понимать высказываемыя мною мысли?! Вѣдь мы съ тобою перечитали, не говорю уже о древнихъ и великихъ, и Макарія, и Сильвестра, святителей-богослововъ, особенно много времени посвятивъ послѣднему. Оспаривалъ ли я этого, по моему, наилучшаго богослова, трудъ свой смиренно назвавшаго «опытомъ», ты знаешь хорошо. Напротивъ, сколько радовался я, слѣдуя за нимъ по древнимъ хартіямъ вселенскихъ учителей, ибо у преосвящен-

наго Сильвестра, въ изложеніи каждаго рѣшительно догмата, предпосылается точная и полная историческая справка. Кромѣ вопроса о происхожденіи душъ, въ разрѣшеніи котораго, и то лишь гипотетическомъ, преосвященный, какъ человѣкъ, малость, думается мнѣ, поддался пристрастію, войдя въ полемику со своимъ антагонистомъ Макаріемъ, только одинъ отдѣлъ его ученнѣйшаго труда, такъ называемую «эсхатологію», позволилъ я себѣ признать несоотвѣтствующей капитальному произведенію, ибо эта маленькая часть его «творенія» не удовлетворила меня, имѣвшаго возможность съ юныхъ лѣтъ обширно изслѣдовать вопросъ объ антихристѣ и о второмъ пришествіи Господнемъ».

«Охъ, другъ ты мой, какъ бы тебѣ такъ сказать, чтобы и ученыхъ не задѣть, ибо страсть какъ они дружно обличаютъ всякую попытку показать внутренніе недостатки большинства изъ нихъ, и благоговѣйныхъ, «суетною философіею» непрельщенныхъ, страха Божія исполненныхъ простецовъ не очень-то возвеличить? Видишь ли, мнѣ боязно, чтобы простой народъ не потерпѣлъ великаго вреда отъ мало любви къ нему проявляющихъ, нужно сказать правду, пастырей-семинаристовъ».

«Вотъ, ратуя за этотъ простой народъ, я бы и желалъ видѣть многое множество другихъ кандидатовъ, по искреннему призванію вступившихъ въ ряды духовенства, хотя и не прошедшихъ чрезъ спеціальныя духовныя школы, но все-таки учившихся и келейно, такъ сказать, по своимъ внутреннимъ запросамъ, много перечитавшихъ разныхъ книгъ «божественныхъ», слѣдовательно въ существеннѣйшихъ вопросахъ вѣры достаточно освѣдомленныхъ! Кто бы они ни были, эти, по моему, лучшіе люди, я бы очень радъ былъ узрѣть ихъ трудящимися на нивѣ церковной: народъ ихъ скоро и вполне оцѣнитъ, да и они отвесутся, по присущей имъ религіозности и отзывчивости, болѣе внимательно къ сознательно принятому на себя долгу.

«Такіе люди могутъ найтись и среди чиновниковъ, и

между военными, и учителями. И нужны они чрезвычайно, особенно до выхода на дѣло тѣхъ тоже не очень ученыхъ будущихъ кандидатовъ на священство, о воспитаніи которыхъ, на нѣсколько другихъ началахъ, я уже высказалъ свои предположенія.

«Пусть духовныя семинаріи, обсудивъ вредъ, причиняемый ихъ неправильнымъ уставомъ и организаціей, внутренне измѣнятся, чтобы не калѣчить ввѣряемыхъ имъ юношей, и онѣ найдутъ себѣ лучшую оцѣнку...

«Безъ семинарій невозможно почти дойти до академическихъ аудиторій, которыя однѣ, лишь, за немногими исключеніями, гарантируютъ поставку высоко просвѣщенныхъ іерарховъ, профессоровъ, законоучителей. Слѣдовательно, такъ или иначе, а приходится мириться и со многими несовершенствами, допущенными въ ихъ внутренній строй.

«Кромѣ того, не намъ, родившимся и выросшимъ въ глухой провинціи, никогда не только не слышавшимъ высокообразованныхъ проповѣдниковъ, но даже и не имѣвшимъ счастья видѣть ихъ, не намъ непосредственно нужны эти высшія духовныя школы; все же изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что мы можемъ совершенно игнорировать учебныя заведенія, имѣющія столь важное значеніе въ томъ или другомъ образованіи высокихъ впослѣдствіи лицъ, въ цѣпи іерархической представляющихъ собою высшаго порядка звенья.

«Все это, какъ не нами устроено, такъ безъ насъ, навѣрно, въ силу роковыхъ послѣдствій ненормальной постановки, и измѣнится, хочу думать, къ лучшему, по естественному въ дѣлахъ земныхъ порядку.

«Мы же, какъ близко знающіе нужды простого народа, должны проводить въ высшія вліятельныя сферы настоящія свѣдѣнія о желательномъ для пользы Церкви измѣненіи порядка поставленія сельскихъ пастырей».

А все-таки, заканчивая свои рѣчи о нашемъ духовенствѣ, всегда приносилъ о. Павелъ глубокую ему благо-

дарность, вспоминая тѣ еще не столь отдаленныя времена, когда обыватель деревенскій, получивъ письмо, самъ будучи не грамотенъ, не зналъ бы, что и дѣлать съ этимъ рѣдкимъ въ тѣ времена «литературнымъ» памятникомъ, если бы не выручалъ его изъ этой нужды все тотъ же или «попъ», или дьяконъ да дьячекъ.

*Н. И. Д....скій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

# ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ ПРУССКОМЪ (1892—1895 гг.)<sup>1)</sup>.

---

## Х.

Какъ-то подъ вечеръ, когда я сидѣлъ за столомъ въ приѣмной архимандрита, просматривая какое-то замѣчаніе его на «Поморскіе Отвѣты», такъ называемое Евангеліе безпоповцевъ поморскаго согласія, а самъ о. Павелъ трудился надъ записываніемъ своихъ размышленій на Апокалипсисъ, не помню хорошо, по какому именно поводу, начался у насъ разговоръ о монашествѣ.

Мнѣ со стороны, отъ учениковъ о. Павла, монаховъ, жившихъ съ нимъ еще въ расколѣ, когда онъ состоялъ игуменомъ монастыря въ Пруссіи, извѣстно было многое о строго-подвижническомъ образѣ жизни ихъ настоятеля и многихъ изъ братіи <sup>2)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Окончаніе. См. ноябрьскую кн. *Душепол.* Чт. 1906 г.

<sup>2)</sup> Изможденные отъ поста и постоянного подвига молитвеннаго, эти „черноризцы“ едва въ состояніи были, по причинѣ чрезвычайной слабости, особенно въ великій постъ, прочитывать въ моленной, изъ которой почти не выходили, по одной славѣ на каѳизмахъ, смѣняя постоянно одинъ другого.

Про самого о. Павла передавали, въ видѣ достовѣрнаго слуха, что онъ выдерживалъ иногда, въ тѣ „прусскія“ времена, весь постъ, не вкушая никакой пищи, хотя достаточныхъ доказательствъ этого и не представляли. Говорили, что никогда онъ не подымалъ глаза, постоянно преклоняя взоръ свой, по заповѣди отеческой, долу. По ночамъ, для освѣженія изнуреннаго тѣла, съ великою предосторожностію, скрываясь отъ другихъ, ходилъ въ одно мѣсто укромное, гдѣ трудился, заступомъ приготовляя пещеру. Такъ что, забавлявали братія: тотъ, кто видалъ о. Павла въ Пруссіи, не узналъ бы его сейчасъ и по вышнему виду...

Поэтому, предварительно освѣдомленный уже о великихъ подвигахъ поста и молитвы, благодаря которымъ, отчасти, конечно, самъ настоятель пользовался широко распространенною извѣстностію въ раскольниковѣмъ мірѣ, я неоднократно имѣлъ намѣреніе перевести какъ-нибудь разговоръ изъ «полемической атмосферы» въ начинавшую уже, подъ вліяніемъ книгъ аскетическаго характера, въ изобиліи имѣвшихся въ состоявшей въ моемъ распоряженіи библіотекѣ, чрезвычайно интересоваться меня таинственную пока и пугавшую своею чрезмѣрною высотой область аскетики, подвига монашескаго, склонность къ которому, быть можетъ, врожденную, уже съ юношескихъ лѣтъ примѣчалъ я за собою.

Но разговоръ на эту тему началъ самъ о. Павелъ, обратившись, совершенно неожиданно для меня, со слѣдующими ко мнѣ словами, которыя, быть можетъ, являлись слѣдствіемъ занимавшей его, въ это время, мысли, которую онъ, по обычаю своему, и выносилъ по частямъ наружу, подвергая ее сильному обсужденію всегда окружавшихъ его людей, усматривая въ такомъ занятіи, какъ я уже упоминалъ, небезполезное упражненіе, для развитія мышленія своихъ «вольнотелъ».

— «Скажи, пожалуйста, Николай Ивановичъ, дружечекъ ты мой, почему нѣтъ теперь такихъ подвижниковъ, какіе были во времена преподобнаго Сергія Радонежскаго?

— Думается мнѣ, отецъ архимандритъ, потому, отвѣтилъ я, что и игуменовъ такихъ теперь не имѣется.

Проговоривъ свой отвѣтъ довольно неувѣренно, я ожидалъ, какъ будутъ приняты мои слова. О. Павелъ, дописавъ мысль, высказалъ свое согласіе со мною и потомъ продолжалъ:

— Видишь самъ, какъ теперь въ такой густотѣ народной вести жизнь отшельническую! Въ Архангельской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ, правда, есть мѣста, совсѣмъ пустынные, но какъ тамъ существовать? Да и дорого обойдется содержаніе монаха: нужны шубы, валенки,

почти всю провизію доставлять надо изъ другихъ отдаленныхъ мѣстностей.

— Потомъ, о. архимандритъ, прибавилъ я: въ древнія времена монахи все подалше отъ людей уходили, опасаясь соприкосновеній съ міромъ, а теперь, напротивъ, монастыри все ближе и ближе къ населеннымъ пунктамъ пристраиваются...

— Правду ты говоришь... Вотъ и самъ видишь, что не могутъ теперешніе монахи подражать древнимъ въ высотѣ подвига и въ трезвеніи ума по причинамъ, даже и не отъ нихъ самихъ зависящимъ.

Былъ я, возвращаясь изъ поѣздки въ Палестину, на Кавказъ, — захотѣлось побывать на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, замученъ апостолъ изъ двѣнадцати — Симонъ Кананитъ. Тамъ тепло и, думается мнѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, еще пустынныхъ, на горахъ высокихъ, вдали отъ поселеній, можно бы жить и по древнему, если бы нашлись такіе ревнители... Валенки тамъ не нужны, а природа щедро вознаграждаетъ труды человѣка: я видѣлъ тамъ масличныя деревья, посаженныя монахами, а виноградъ, смоквы, яблоки и груши растутъ въ изобиліи, кукуруза же, главный продуктъ питанія мѣстныхъ жителей, даетъ прекрасный урожай... Только одно тамъ препятствіе, для многихъ непреодолимое, — лихорадка болотная!

Тамъ и монастырь основали выходцы со Старога Аѳона, и называется онъ, по этой причинѣ, тоже Аѳономъ, только Новымъ, въ отличіе отъ находящагося въ Турціи. Монастырь, кажется, затѣвается большой.

Когда я былъ тамъ, отцы хлопотали безпрестанно: ждали Государя (Александра III), который имѣлъ намѣреніе проѣздомъ быть у нихъ на закладкѣ большого храма-собора, вдали отъ главной святыни мѣстной — древней церкви во имя св. апостола Симона, сооруженной въ первые еще вѣка христіанства и возстановленной изъ развалинъ уже монахами.

И скажу я тебѣ, дружечекъ, что, не доѣзжая до мона-

стыря послѣдней, кажется, станціи, заснулъ я, или, вѣрнѣе, слегка задремалъ подѣ шумъ пѣнящихся волнъ морскихъ. И вижу себя уже на сушѣ, въ небольшой церкви стоящимъ... У царскихъ вратъ, по правую сторону, стоитъ въ омофорѣ какъ бы епископъ и рукою даетъ знакъ приблизиться къ нему...

*«Вотъ здѣсь святыня этого мѣста»,* сказалъ онъ мнѣ, когда я подошелъ къ солеѣ: *«но монахи лѣзутъ на гору, тамъ хотятъ строиться,—имъ деньги нужны»...*

Тотчасъ же открылъ я глаза, и мнѣ указали видѣвшуюся гору, у подножія которой обрисовывались ясно строенія и церковь.

Лишь только, по прибытіи на мѣсто, свезли насъ съ парохода на берегъ, я, повидавшись съ отцами, немедленно же сталъ просить ихъ показать мнѣ церковь во имя св. апостола Симона. Желаніе мое исполнили, хотя отъ гостиницы до церкви той не малое, сколько помнится мнѣ, разстояніе.

Войдя въ церковь, я тотчасъ же устремился къ мѣстной иконѣ Апостола, въ которомъ и призналъ явившагося мнѣ на пароходѣ епископа въ омофорѣ.

Разсказывая тебѣ объ этомъ, я не имѣю въ виду ничего другого, кромѣ простого пересказа того, что было со мною.

Не приписываю я и явленія мнѣ Апостола въ видѣніи достоинству своему,—тебѣ уже должно быть хорошо извѣстно, чѣмъ руководствуюсь я въ своей жизни, замаливая грѣхи свои, противъ Церкви святой еще въ расколѣ содѣянные. Но и не хочу съ недовѣріемъ отпестись къ тому, что было со мною. А ты суди самъ, какъ знаешь!

Говорилъ я отцамъ монастыря о всей неблаговидности пренебреженія, съ которымъ, по мнѣнію моему, отнеслись они къ мѣстной святынѣ, не ее избравъ центромъ устраиваемой ими обители, какъ бы посчитавъ лишнимъ имѣть эту святыню непоколебимымъ залогомъ непрестанной въ будущемъ *ревности*, съ которою названный по имени Зи-

лота монастырь могъ бы вѣщать народамъ Кавказа глаголы живота вѣчнаго, а устремили свои взоры въ другую сторону, намѣреваясь создать строенія великія и распространиться не только въ высоту, но и въ ширь по берегу морскому...

Мнѣ больно было, что такая древняя святыня, памятникъ, быть можетъ, непосредственныхъ трудовъ апостольскихъ, стоитъ, какъ никому особенно не нужная, заброшенная, совсѣмъ въ сторонѣ, почти скрытая отъ взоровъ имѣющихъ устремиться сюда, въ недалекомъ будущемъ, въ великомъ множествѣ паломниковъ, ибо мнѣ передавали, что монастыремъ будетъ оповѣщено почти все населеніе Россіи о долженствующей состояться торжественной закладкѣ собора <sup>1)</sup>).

Бывъ въ Палестинѣ и обходя мѣста святыя, я привыкъ сопровождать свое паломничество размышленіями, соответствующими значенію cadaго историческаго мѣста и тому участію, какое, такъ или иначе, каждое изъ нихъ принимало въ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, а также и въ событіяхъ ветхозавѣтныхъ... Такъ, выѣхавъ изъ Чернаго моря, уже перенесся я мысленно въ первые историческіе вѣка Церкви христіанской: самый Царьградъ, Никея, почти напротивъ лежащая, Ефесъ—такія все имена, съ которыми неразлучно связаны воспо-

---

<sup>1)</sup> Задавшись цѣлію, подъ вліяніемъ тяготѣющаго надо мною нравственнаго обязательства, внести въ матеріалы, касающіеся біографіи знаменитаго русскаго миссіонера, все, что лично мнѣ извѣстно, за три съ половиною года совмѣстной съ архимандритомъ Павломъ жизни, я не счелъ себя въ правѣ ни замолчать могущія не понравиться кому-либо бесѣды покойнаго полемиста, ни измѣнить его рѣчи въ пріятномъ для другихъ смыслѣ... Это обстоятельство, полагаю, даже не требуетъ объясненій особенныхъ, потому что всякому безпристрастному чело-вѣку вполне понятно, что подобное отношеніе не только къ знаменательнымъ сужденіямъ лицъ историческихъ, но даже и къ бесѣдамъ простыхъ смертныхъ, для всякаго правдиваго повѣствователя по меньшей мѣрѣ естественно необходимо.

минанія о первостепенной важности моментахъ, пережитыхъ св. Церковію.

По той же склонности своей, и на обратномъ пути, возымѣвъ желаніе поклониться гробницѣ св. Апостола, составляющей одну изъ величайшихъ святынь Кавказа, я мысленно представлялъ себѣ въ путешествіи туда тѣ подвиги и труды, какіе претерпѣлъ здѣсь самовидецъ Господа и вѣрный слуга Его. Быть можетъ, и молился я тогда усиленно...

Видишь ли, какъ бы тебѣ пояснить возможность такого явленія, какимъ въ сонномъ видѣніи почтилъ меня, недостойнаго, этотъ Апостолъ? Постъ, молитвенное настроеніе особенно облегчаютъ и самое тѣло, а про умъ нечего и говорить. Вотъ и скажу тебѣ,—въ жизни моей такіе были случаи, что если бы придать имъ значеніе, особенно въ свое время да еще при свидѣтеляхъ, то, чего добраго, можно бы и прозорливымъ прославиться...

Иду какъ-то разъ, а мнѣ на встрѣчу совсѣмъ незнакомый человѣкъ попадаетъ, котораго я раньше никогда не видалъ. И явилась у меня, при взглядѣ на незнакомца этого, мысль, что очень скоро умретъ онъ. И, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько всего дней, пришлось намъ и отпѣвать его! Сопровождавшіе меня въ пути братія да и я самъ немедленно же узнали его. Скажи бы я тогда вслухъ ту роковую для незнакомца мысль свою, и вотъ слава пророка уже сопутствовала бы мнѣ...

Только я боюсь полагаться на такія пророчества. Вотъ о. Варнава, что у Черниговской Божіей Матери, именно такъ пророчествуетъ. Я спрашивалъ его объ образѣ его пророчества, и онъ самъ говорилъ мнѣ, что всегда высказываетъ первую приходящую на умъ мысль. Я же знаю, что пророкъ вѣщаетъ грядущее, предзря, какъ на ладони, то, о чемъ свидѣлствуетъ. И говорилъ я о. Варнавѣ, какъ бы изъ тысячи что ли пророчествъ его не оказалось хотя одно неосуществившимся, — тогда и одно такое пророчество будетъ въ силѣ подорвать и всѣ сбыв-

шіяся, набросивъ на нихъ тѣнь случайнаго лишь совпаденія событій съ высказанными имъ «первыми» каждый разъ мыслями.

Все это говорю я тебѣ не въ чье-либо осужденіе (тогда еще живъ былъ и о. Варнава), а чтобы показать тебѣ, ссылаясь на случай со мною, что и обыкновеннымъ людямъ, какъ я многогрѣшный, являетъ иногда Господь свои откровенія... А потому не усумнись въ правдивости вѣсказаннаго мною.

## XI.

Такъ вотъ въ такихъ еще условіяхъ, какъ на Черноморскомъ побережіи, пожалуй, и возможно возобновить болѣе строгое монашеское общежитіе, а у насъ, въ центральной, напимѣръ, Россіи, нужно ограничиться болѣе скромными законами,—требовать отъ монашествующихъ приличной во всѣхъ отношеніяхъ жизни, отнюдь не покровительствуя пьянству, грубости ругательной и самочинію.

Я самъ, съ юныхъ лѣтъ, веду монашескую жизнь и не могу быть противъ монашества. И обращающихся ко мнѣ за совѣтомъ, по поводу намѣренія оставить міръ и удалиться въ монастырь, не отклоняю отъ искренняго намѣренія, указывая желательный для многихъ путь спасенія, а для нѣкоторыхъ, находящихся подъ исключительнымъ господствомъ лютыхъ страстей, и единственно возможный, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, находясь подъ постояннымъ воздѣйствіемъ отрицательныхъ силъ, эти слабовольные представители такъ называемаго «вырожденія», вѣрнѣе же, просто закоренѣлые служители страстей, обречены на конечную погибель.

Даже такъ называемыя послушанія, по моему наблюденію, не для всѣхъ теперь обязательно необходимы, кромѣ новоначальныхъ: есть настолько нервные субъекты, съ

такой разслабленной системой, что лучше не взваливать на них непосильную ношу, предоставивъ имъ самимъ довольствоваться исполненіемъ церковнаго устава, и только въ предѣлахъ послѣдняго предъявлять къ такимъ немощнымъ собратіямъ дисциплинарныя требованія, возлагая на болѣе крѣпкихъ и духомъ, и тѣломъ, несеніе непосильныхъ для нихъ тягостей, чтобы, такимъ образомъ, взаимнымъ раздѣленіемъ обязанностей Маріи и Марены между тѣми и другими исполнить законъ Христовъ.

Ходитъ монахъ, когда здоровье позволяетъ, къ каждой службѣ церковной, живетъ тихо и мирно, и—слава Богу!

А молитвой умной заниматься, съ употребленіемъ какихъ-нибудь особыхъ пріемовъ, никому не совѣтую, — на старомъ Аѳонѣ, слыхалъ я, много портится людей, самоchinно начинающихъ братья за такой подвигъ, въ которомъ требуется, для выполненія его, извѣстный благодатный совѣтникъ... А гдѣ можно найти такого?!

Молись, если, кромѣ службъ церковныхъ, у тебя окажется досугъ, и молитвою Іисусовою, но просто, обычно...

Штатныхъ монастырей я не одобряю, никакихъ денегъ, монаху лично принадлежащихъ, не допускаю, потому что имѣніе денегъ—удаленіе отъ пути монашескаго. Но настоятель обители или, еще лучше, братскій совѣтъ должны входить въ разсмотрѣніе нуждъ cadaго брата, сообразно съ состояніемъ здоровья, требующихъ иногда неотложнаго удовлетворенія... Въ этихъ случаяхъ должно быть сердечное отношеніе другъ къ другу, тутъ неумѣстны ни ропотъ, ни осужденіе... А средства на содержаніе, по вѣрѣ братіи и за молитвы игумена, не оскудѣютъ, подтвержденіемъ чего служить исторія всѣхъ почти общежительныхъ монастырей. Только пусть царятъ въ обителяхъ вѣра чистосердечная да любовь нелицемѣрная!

Затѣмъ, думается мнѣ, что, кромѣ исключительныхъ случаевъ, и то по начальственнымъ лишь распоряженіямъ, не долженъ монахъ оставлять тотъ монастырь, въ которомъ онъ принялъ постриженіе... Законъ, ограничивающій

подобное шатаніе по обителямъ, кажется, былъ бы желателенъ, для упорядоченія монастырской жизни. А что неотложно необходимо, такъ самоскорѣйшее воспрещеніе болтаться по городамъ и селамъ монахамъ и монахинямъ, посылаемымъ для сбора съ особой изъ консисторіи выдаваемой книгой. Нѣтъ *крайней* необходимости жертвовать спасеніемъ сборщиковъ и сборщицъ, когда большею частью и посылають-то ихъ начальники да начальницы съ затаенною мыслию или колоколъ большущій купить, или лишній храмъ устроить, чтобы, за такое усердіе, получить награду, купленную *почти всегда* гибелью и развращеніемъ душъ человѣческихъ... Я не могу и говорить объ этомъ хладнокровно, до того возмущаютъ меня эти безчинія!

Существованіе монастырей несомнѣнно будетъ обезпечено, пока народъ имѣетъ любовь къ церковной службѣ по болѣе строгому чину... Поэтому-то монахи и должны удовлетворять эту святую народную склонность благоговѣйную *истовымъ исполненіемъ* службъ церковныхъ, не позволяя себѣ оскорблять религіозно-молитвенныя, чувства богомольцевъ какими-либо непристойностями въ церкви, — хожденіями съ мѣста на мѣсто, разговорами, сопровождаемыми смѣхомъ, и проч. <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Насколько строгъ былъ о. Павелъ къ нарушеніямъ церковнаго благочинія, можетъ служить слѣдующій случай:

Кажется, на молебствіи, въ первый день Рождества Христова, во время колѣнопреклоненной молитвы благодарственной, по случаю избавленія страны нашей отъ нашествія иноплемениковъ, одинъ изъ монастырскихъ діаконовъ позволилъ себѣ свободную съ собратомъ бесѣду, сопровождая таковую веселой мимикой, чѣмъ, конечно, проявилъ крайнюю степень или своей забывчивости, или же легкомыслія... О. Павелъ, уже начавшій почти чтеніе молитвы, остановился, замѣтивъ означенную непристойность, сдѣлалъ выговоръ и даже приказалъ виновнику удалиться въ ризницу и снять облаченіе... Конечно, присутствовавшіе богомольцы замѣтили эту остановку въ службѣ, но почти всѣ были довольны, что архимандритъ не оставилъ безъ наказанія неприличную выходку діакона.

О монастыряхъ «единовѣрческихъ», какъ не имѣющихъ достаточнаго числа братіи, говорилъ, что они пока обречены на прозябаніе, и когда въ Пермской епархіи, въ Осинскомъ, кажется, уѣздѣ, открывался новый монастырь, въ который игуменомъ назначенъ былъ, съ цѣлію благотворнаго воздѣйствія на мѣстныхъ старообрядцевъ, обратившійся, послѣ бесѣды въ Никольскомъ монастырѣ, изъ раскола б. старообрядческій начетчикъ, то на запросъ епархіальнаго начальства, какой монастырь совѣтовалъ бы о. Павелъ открыть, православный или единовѣрческій, архимандритъ рѣшительно, безъ всякихъ колебаній, указалъ, что лучше основать монастырь православный съ условіемъ, чтобы братія во всемъ строго соблюдали уставъ, не нарушая послѣдняго въ соблазнъ окрестнымъ жителямъ старообрядцамъ.

И совѣтъ этотъ оказался чрезвычайно полезнымъ: скоро собралась братія, а уставъ, заимствованный изъ Сарова, при строжайшемъ соблюденіи, вызываетъ только похвалы посѣтителей, даже раскольниковъ...

---

Я окончилъ изложеніе главнѣйшихъ вопросовъ, касающихся раскола, воспитанія духовнаго юношества, а также и монастырской жизни, по которымъ покойный о. архимандритъ Павелъ имѣлъ твердыя и основательныя рѣшенія.

Н. И. Д....скій.

---